

Чертоги миров

18+

Арте́м Бараба́шкин

Черто́ги ми́ров

«Автор»

2026

Барабашкин А.

Чертоги миров / А. Барабашкин — «Автор», 2026

Триста лет назад Предвестники похитили людей и другие разумные народы из родных миров, а затем бесследно исчезли. Восемнадцатилетнему Бьярки, внуку прославленного победителя иноземцев, нужно провести ночь в древнем гроте, чтобы получить меч и право называться мужчиной. Но под землёй он встречает Арану - учёного из народа, который с детства привык считать врагом. Спасая раненого чужака, Бьярки идёт против отца и законов своего племени. Тем временем пробуждается древний страж, с неба падает таинственная сфера, а последователи Предвестников начинают охоту за ключами, способными вернуть исчезнувших похитителей. Теперь Бьярки и его спутникам предстоит первыми добраться до них и понять: кого на самом деле следует бояться - Предвестников или тех, с кем они когда-то сражались?

© Барабашкин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Грот Предвестников	5
Глава II. По образу Своему...	23
Глава III. Загадка монастыря	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артем Барабашкин

Чертоги миров

Глава I. Грот Предвестников

Солнечные лучи, которые с утра ласково касались макушки юноши, сейчас, к обеду, нещадно нагревали светлую, словно спелая пшеница, голову Бьярки Хлёдвиссона. Еще пару часов на таком солнцепеке, и он будет вынужден покинуть арену, к своему позору. Юноша то и дело припадал грудью к деревянной ограде, всматриваясь в борцов, валяющихся друг друга в пыли.

Но, наконец, прокричали его имя. Бьярки широко улыбнулся, перепрыгнул ограду арены и оказался на небольшой площадке, вытопанной ногами сотни борцов.

В глазах случайных зрителей, Бьярки определенно не выглядел претендентом на победу. Невысокий, жилистый, вертлявый юноша, с едва заметной светлой бородкой, которая упрямо отказывалась расти, хотя внуку грозного Бьёрна Тормульдссона миновало восемнадцать зим. Единственное в его внешности, что говорило о возможной победе, был взгляд пронзительно-голубых глаз, в которых читался ум и искрилась хитрость.

Именно двух последних качеств не доставало Олафу Раудссону, который был полным антиподом быстрому Бьярки. Могучий, широкоплечий, с изрядным слоем мышц и жира на крепком высоком теле, заросший густой гривой темно-рыжих волос и такой же мощной бородой, которой давно не касались ножницы цирюльника.

По крику судьи, Бьярки и его противник стянули льняные туники и остались в широких штанах, которые поддерживал толстый кожаный пояс. Солнечные лучи тут же принялись жечь бледную кожу Бьярки, на которой пятном выделялась татуировка. Это была оскалившаяся медвежья голова, составленная из темно-синих полос. Родовой знак юноша набил напротив сердца.

Бьярки присвистнул, рассматривая могучие мышцы Олафа. – Помоги мне, Один, против этого чудовища. Этот парень больше похож на внука медведя, чем я.

Сзади прыснула со смеху Скалли – сестренка юноши. Вопреки воле матери, она убежала сегодня из дома, чтобы поддержать на поединке брата, которому запретил идти на арену отец. Поступать вопреки воле старших было в крови у рода Бьёрнссонов.

Бьярки повернулся к сестре и подмигнул. Скалли с тонкими чертами лица, такими же как у брата небесно-голубыми глазами и копной роскошных пшеничных волос росла подлинной красавицей. Она была на одну зиму младше своего брата и к ней активно сватались многие парни Хладгейта. Сегодня она распустила волосы, оставив лишь тонкую косичку посередине, надела брюки и подпоясанную льняную рубашку, а также подчеркнула красоту своих глаз черными полосами краски из жженого миндаля.

«Настоящая валькирия», – подумал Бьярки, прежде чем повернуться к своему сопернику, который уже вышел на середину арены.

Юноша подошел к грозному противнику, который был старше на шесть зим, но на борьбу глима вышел второй раз. Они взяли одной рукой за широкую штанину брюк противника, а второй рукой подхватили за пояс. Цель глимы очень проста: кто первый заставит противника коснуться земли коленом, боком, ягодицами, спиной, да хоть головой, тот и победил. Со стороны могло показаться, что главную роль в этой борьбе играет сила, но опытные зрители давно знали, что победа за тем, у кого отточена техника. Бьярки выходил на арену далеко не в первый раз, поэтому знатоки ставили против Олафа. Но таких опытных зрителей нашлось немного, все-таки могучий мужчина внушал не в пример больше доверия, чем худой юноша.

Раздался крик судьи и Бьярки быстро сделал подсечку. Могучий Олаф с трудом устоял и попытался швырнуть Бьярки в бок, используя силу. Юноша быстро переступил ногами, устояв против мощного рывка, и начал двигаться вокруг Олафа, увлекая мужчину за собой.

Олаф с трудом справился с быстрой перестановкой ног, и вновь оказался лицом к лицу с Бьярки. В этот раз могучий мужчина первым провел атаку, навалившись всем телом на юношу и пытаясь силой опрокинуть его на спину. По правилам глимь такое запрещалось, но юноша это неумелое нападение только развеселило, и он снова ушел по кругу в сторону, а Олаф, из-за инерции, чуть не упал грудью вперед.

Вовремя стабилизировав свою стойку, мужчина потянул Бьярки на себя, очевидно собираясь бросить его через бедро, но светловолосый паренек поставил противнику подножку и потянул за штанину в бок. Олаф заревел и почти упал, лишь в последний момент успел вывернуться и выставить вперед обе руки. Правилами это разрешалось и Бьярки досадливо топнул, следя за тем, как Олаф поднимается.

Со стороны зрителей уже слышались обидные выкрики, в глимь ценилась быстрая техническая победа, а вот такая возня лишь раздражала бравых мужей.

– Ну что, Раудссон, не можешь победить парня вдвое меньше тебя? – подразнил Олафа юноша, надеясь вывести из себя и заставить совершить ошибку.

Однако, Олаф не повелся и снова крепко схватил пояс и штанину Бьярки, не собираясь слепо бросаться вперед. Юноша решил схитрить и сделал обманное движение, словно собираясь толкнуть мужчину в бок, а сам сделал подсечку.

Олаф начал заваливаться, но в этот момент с такой силой дернул Бьярки за собой, что они оба повалились на бок.

Со стороны зрителей раздался свист и грубые крики. Бьярки досадливо поднялся, отряхиваясь от неведомо откуда взявшихся соломинок. Плечо саднило, он проехался на нем по плотной земле, увлекаемый могучим телом Олафа.

– Ничья, – досадливо буркнул Бьярки, направляясь к ограде арены.

Он позволил себе допустить ничью с человеком, который второй раз вышел на арену! Замечательное настроение, с которым Бьярки вышел на глимь улетучилось, оставив место лишь досаде и бурлящей ярости, направленной то ли на себя, то ли на Олафа.

Зрители неохотно расходились, досадуя, что не смогли заработать на, казалось бы, беспроблемной ставке. А у ограды, рядом со смущенно улыбающейся Скалли, стоял, сложив руки на груди, крепкий мужчина с обветренной кожей, косой темных длинных волос и выбритыми висками. Хлёдвир Бьёрнссон, отец Бьярки и Скалли.

– Бьярки Хлёдвиссон! – прогремел низким голосом отец. – Ты знаешь, где должен быть сегодня ночью?

– На испытании, у грота Предвестников, – буркнул юноша. Он надел льняную тунику и затянул ремень.

– Ты слишком безответственно относишься к этому, – покачал головой отец. – А если бы тебя сегодня покалечили? Что бы сказал твой дед, великий Бьёрн Тормульдссон, на это? Ты не хочешь быть мужчиной?

– Хочу, – Бьярки поджал губы, посмотрел на сестру и сделал страшный взгляд. Скалли не удержалась и расхохоталась.

Отец с недовольством посмотрел на девушку. – Твоему брату предстоит провести ночь в древней пещере, а он тратит силы на бесполезную борьбу, где еще и проиграл!

Бьярки вскинулся. – Я не проиграл. Ты не слышал? Судья объявил ничью.

– Для внука Бьёрна это равно проигрышу. Смотри не посрами память твоего деда сегодня ночью.

Бьярки закатил глаза. – Каждый мужчина с Лейпта побывал там на посвящении. Все, с чем там надо бороться это со сном и страхом темноты. А, ну еще с крысами, если повезет их найти.

Хлёдвир вздохнул. – Сами боги подвергают там тебя испытаниям. Лифу Магноссону в прошлом году явились сами Предвестники.

Бьярки расхохотался. – А Нельсу Олафссону сами валькирии! Интересно как же так? Ах, точно, и тому и другому, друзья перед испытанием занесли в грот пару бутылок крепкого мёда!

Отец досадливо махнул рукой. – Жду тебя у главных ворот, когда солнце будет низко. И если не появишься до первых сумерек, я тебя до следующего лета не допущу до испытания.

– Буду, буду, – сказал Бьярки и, подхватив Скалли за руку, пошел в сторону дома.

– Ты правда думаешь в гроте Предвестников ничего нет? – спросила сестра, когда они оказались достаточно далеко от разгневанного отца.

– Конечно! – Бьярки улыбнулся, – сколько моих знакомых там побывало, и их знакомых... Там просто надо отсидеть в пустой влажной пещере, обшитой сталью и постараться не уснуть или не умереть со скуки. Конечно, если перед днем голосования перебраться, то и голоса слышатся, и Предвестники верхом на валькириях являются и все такое прочее.

– Эх, жалко девушек не берут на такое посвящение, – вздохнула Скалли. – Я бы хотела там побывать.

– Зачем? – искренне удивился Бьярки. – Лучше до границы с Белой пустыней прогуляться, или пройти пешком всё Звёздное сё, чем сидеть ночь в темной пещере.

– Я слышала, что в гроте много разветвлённых ходов и он очень глубокий, – мечтательно сказала Скалли.

Они начали взбираться на холм Лейпт, где жили все северяне Хладгейта.

– Не знаю, – пожал плечами Бьярки, – может и да, может и нет. Чтобы испытание считалось пройденным, достаточно затеряться в темноте так, чтобы тебя не видели те, кто пришел засвидетельствовать твою «храбрость», – последнее слово Бьярки произнес с насмешкой.

– Неужели тебе не интересно пройти вглубь?! – искренне возмутилась Скалли. – Ведь говорят этот грот построили сами Предвестники.

– Предвестники как украли нас из Мидгарда больше трех сотен зим назад, так больше и не появлялись. Так какое мне может быть дело до них, если им все равно на нас?

– У Предвестников есть какая-то тайная цель, – покачала головой Скалли, – и возможно в этом гроте таится ответ на многие наши вопросы.

– Нет, – рассмеялся Бьярки. – Этот грот все равно кто-то уже излазил вдоль и поперек, мало что ли таких любопытных как ты. Нет там ничего интересного. А украли нас Предвестники с одной целью, посмотреть, как мы с серокожими и другими иноземцами уживемся.

– Драков тоже похитили, я уверена, – Скалли посмотрела на брата без тени улыбки. – Как и других чужаков.

– На Мировом Ясене много миров, все может быть, – пожал плечами Бьярки, которому этот разговор уже порядком поднадоел.

Они дошли до длинного дома, где уже три сотни зим, со времен первых переселенцев обитали старейшины северян. На древних стенах, обшитыми досками из ясеня и вяза, умелый художник схематично отразил победу его деда Бьёрна Тормульдссона над серокожими драками. Их лучшие воины, которых среди людей прозвали фибратами, стояли на коленях перед его дедом в кольчуге, темные волосы великого северянина развевались на ветру, а голубые глаза, казалось, смотрели в самую душу юного Бьярки.

От длинного дома они повернули налево и вышли к двухэтажному бревенчатому дому, который сладил еще их великий дед. Во дворе, у калитки, стучали деревянными мечами Тьост и Эрн, два темноволосых брата Скалли и Бьярки, и они были столь увлечены процессом, что не обратили никакого внимания на подошедших.

Они не стали мешать братьям. Бьярки сложил руки на груди, внимательно следя за техникой Тьоста, которому уже минуло тринадцать зим. Скалли же болела за Эрна, который был младше брата на две зимы.

Особенно сильным ударом, Тьост, отбил учебный меч Эрна в сторону и боком влетел в брата, толкнув того на землю. Эрн больно расшиб локоть.

Его вскрик заставил выбежать на крыльцо Рэв Бирнисдоттир, красивую жену Хлэдвира и их мать, от которой Скалли и Бьярки унаследовали пшеничные волосы и тонкие черты лица. Светло-зеленые, почти прозрачные глаза Рэв обеспокоенно нашли потирающего локоть Эрна, и она было улыбнулась, но заметила Скалли и тут же нахмурилась.

– Теперь моя очередь выслушивать поучения, – шепнула Скалли брату и обреченно направилась к матери, причем повесила голову так, будто шла не к родному дому, а на эшафот.

Бьярки помахал рукой матери и получив её утвердительный кивок, пошел вниз по улице. Ноги сами собой несли его на холм Хи, где он частенько бывал последние две зимы.

Лейпт был огромным холмом, вторым по величине в Хладгейте, а вот Хи, наоборот, самым маленьким. Там высились аккуратные многоярусные домики с тонкими стенами и квадратными крышами. Улочки вокруг и на самом холме были узкими, аккуратными, с постриженными кустиками и искусственно изогнутыми деревьями. Даже камни вдоль дорог лежали так, словно несли определенный смысл. Северянин слышал, что их выкладывали один за другим старательные обитатели холма Хи.

На холме Бьярки привычно свернул на боковую улочку, которая вела к небольшому пруду в тени вишневых деревьев.

Она ждала его там, тоненькая фигурка в широком атласном кимоно темно-сиреневого цвета, расшитое алыми цветами сакуры.

– Минэко, – позвал её Бьярки, в тысячный раз смакуя непривычное для слуха северян имя.

Невысокая девушка обернулась. Бьярки, словно впервые, залюбовался её миндалевидными темными глазами, в которых небесно-голубой взгляд юноши тонул как омуте. Минэко пригладила черные остриженные по плечи волосы и подошла к Бьярки.

– Мы договаривались, что ты придешь на полчаса раньше, – прошептала девушка, оглядываясь по сторонам. – Если отец узнает, что я здесь, с тобой, мне конец!

– Прости, Минэко, я задержался на арене. Думал получится пораньше выйти на бой.

– Опять ты ходишь увечить себя, – покачала головой Минэко. Её тонкий нос сморщился, когда она почувствовала запах пота, который прилип к Бьярки после арены и солнцепека.

– Если бы я заскочил помыться, то опоздал бы еще сильнее, – виновато развел руками юноша. – Я сегодня отправляюсь на испытание. После него, на тинге, меня объявят мужчиной.

– А кто-то в этом смеет сомневаться? – смущенно улыбнулась Минэко.

– Ты же знаешь, я никому не позволю, – Бьярки невольно расправил плечи.

– Ты пойдешь в тот грот, про который рассказывал? – в глазах Минэко скользнуло беспокойство.

– Да, но там не будет ничего опасного, – Бьярки нежно коснулся кончиков пальцев Минэко. – Я тебе уже говорил. Просто посижу одну ночь в темноте. У выхода меня будут ждать отец и другие мужчины Лейпта.

– Они тоже не будут спать целую ночь?

– Как же, – засмеялся Бьярки, – дрыхнуть будут так, что от их храпа грот содрогаться начнет.

– Все равно будь осторожнее, Бьярки-сан, – Минэко крепко сжала его руку. – Я вознесу молитву за тебя в святилище, чтобы духи хранили тебя. Надеюсь, дух твоего великого деда будет с тобой в эту ночь.

– Благодарю, – Бьярки говорил тихо, почти шепотом. – настоящий северянин во время испытания должен думать об Одине, но я буду думать о тебе, Минэко.

– Не забывай про своих богов тоже, Бьярки-сан, – Минэко хихикнула, её щеки зарделись. – Мне пора, – девушка с сожалением посмотрела на юношу. – Меня слишком долго нет, отец непременно спохватится.

– Мы встретимся завтра, после испытания? – Бьярки затаил дыхание.

Девушка засмеялась. – Если придешь на это же место к полудню, значит встретимся. Но опоздаешь еще раз...

– Завтра этого точно не случится, – пообещал Бьярки.

Они попрощались, и девушка исчезла среди деревьев, двигаясь по одной ей известным тропкам.

Бьярки почесал редкую бороду, широко улыбнулся и с присвистом направился к следующему холму, который местные называли Аква, и где жил его друг – Марк.

Аква точно была самым большим холмом Хладгейта и на нем расположились высокие дома в два-три этажа, которые тесно лепились друг к другу. Первые этажи обитатели Аквы обычно строили из камня, а последующие из тонких бревен, которые обшивали досками и красили в разные цвета. Улочки на холме тоже были узкими, но несколько не напоминали красивые и залитые светом солнца улицы Хи. Здесь все строили так, чтобы запихнуть на холм и его окрестности побольше жилых зданий. Из-за этого верхние этажи нависали над улицами и погружали все вокруг в тень.

Отличительной особенностью Аквы был квартал ремесленников, который расположился у основания холма с северо-востока и представлял основную производственную мощь Хладгейта. Ни северяне, ни кто-либо другой не чурался пользоваться продукцией, которую делали ремесленники этого холма.

Именно с другой, западной стороны холма, находился дом семьи Марка. Он был одним из восьми детей зажиточного торговца, который определил своего младшего сына в Высшую школу Хладгейта, изучать вероучение о Боге, которому поклонялись обитатели Аквы.

Бьярки был знаком с Марком еще с тех пор, как научился ходить и всегда признавал его ум и учёность. Поэтому если юноше был нужен совет: за ним он всегда направлялся к другу.

Северянин постучал в дверь. Из окна выглянула сестренка Марка, узнала друга своего брата и исчезла. Юноше оставалось только ждать.

Ждать пришлось неожиданно долго. Северяне с холма Лейпт мало внимания уделяли счету времени, ориентируясь лишь по движению солнца, но Марк всегда таскал с собой песочные часы и научил Бьярки считать часы, минуты и даже секунды. Поэтому, когда дверь, наконец, отворилась и на пороге показался темноволосый кудрявый ровесник северянина, Бьярки с укором посмотрел на друга: – Я прождал минут пять.

Марк развел руками. Он всегда ходил в длинной мантии Высшей школы, темно-фиолетовой, с откинутым на спину капюшоном. – Зачем пришел? – зевнул юноша.

– Сегодня день испытания.

– Я помню. Хочешь поболтать?

– Мне нужно потратить время до сумерек.

– Проходи, – Марк отступил в сторону и впустил Бьярки в дом.

Отец Марка не поскупился на свое жилище. Пол на первом этаже был выложен мраморными плитами черного и белого цвета, в шахматном порядке, сверху бросили красные ковры с толстым и длинным ворсом, а стены закрывали гобелены с вышитыми сценами охоты и пиров. Поражала мебель: резная, из редкой древесины Мидгарда, кресла обиты темно-зеленым бархатом, а на крышках сундуков вырезаны сцены торговли на рынке.

Бьярки расположился на стуле у самого входа. Сестренка Марка – Лаура – тут же подбежала к северянину и с интересом начала рассматривать пряжку на ремне юноши. Она была из бронзы, в виде великого змея Ёрмунганда, кусающего свой хвост.

– Тебе сколько зим? – спросил Бьярки у девочки. Он вечно забывал её возраст.

– Мы считаем года по минувшему лету, а не зиме, – поправила северянина девочка. – Мне пять лет, – звонко сказала Лаура и показала северянину растопыренную ладошку с пятью пальцами.

Бьярки захохотал. – Поглоти меня Фенрир, если бы я в её возрасте сумел бы ответить на такой вопрос. Да еще и умудриться сказать про лето. Твой брат хорошо тебя учит, Лаура.

– Опять ты своих бесов упоминаешь, – поморщился Марк. – Можешь этого не делать хотя бы в нашем доме?

– Если верить старейшинам, мы сейчас так далеко от Мидгарда, что твои бесы нас оттуда не достанут. Да и Фенрир сейчас глубоко в Хель. Можешь не бояться.

– Бесы имеют природу духов, а потому бесплотны и расстояние между мирами им не проблема, – с ученым видом изрёк Марк.

Бьярки отмахнулся.

Марк почесал голову. – Ты виделся с Минэко?

– Совсем немного. Я опоздал на встречу.

– Опять глима?

Северянин помрачнел, вспомнив о позорной ничье. – Ага.

Марк вздохнул. – Снова выиграл?

Бьярки усмехнулся. – Если бы. Ничья, будь она неладна.

– Ты хочешь всегда ловить удачу за хвост?

Бьярки засмеялся. – Я хочу всегда побеждать! Жалко, я родился в скучное время. Я бы хотел воевать подле моего деда. – Северянин посмотрел по сторонам и начал рассматривать gobелены, которые видел далеко не в первый раз.

– Ты переживаешь из-за испытания? – спросил Марк и поймал сестренку, которая носилась вокруг него. Он подтолкнул девочку к лестнице на второй этаж и сделал грозный взгляд. Лаура сразу все поняла и запрыгала по ступенькам наверх.

– Что такое переживать? – напыщенно спросил Бьярки. – Я слово то такого не знаю. Просто завтра я стану мужчиной. Порадуйся что ли за меня.

– Так ты еще не прошел испытание, – покачал головой Марк.

– Я тебе рассказывал, там же нет ничего сложного, – Бьярки откинулся на спинку стула и вытянул ноги. Как бы он ни бахвалился, к Марку он пришел из-за странного внутреннего напряжения, которое затаилось в нем с самого утра. Но беспечная болтовня с другом помогала отвлечься от мыслей. – Одну ночь потерплю и уже завтра меня опоясуют мечом.

– Благослови тебя Господь, – Марк перекрестил северянина.

Бьярки снова засмеялся. – Со мной будут Один и Тор, духи холма Хи, ну пусть и твой Бог тоже поможет, а то вдруг я с темнотой не справлюсь.

– Богохульник, – вздохнул Марк.

Северянин посидел у друга еще полчаса, слушая, как Марк в очередной раз рассказывает ему о своем миролюбивом Боге. Но, вскоре, вернулся отец Марка, который не особо благожелательно относился к язычнику у себя дома, и Бьярки, вежливо попрощавшись, отправился к родным, готовиться к испытанию.

Дома, он надел подготовленную матерью чистую льняную тунику, выкрашенную в синий цвет, бурые брюки из мягкой кожи и зеленый шерстяной плащ, по краям украшенный золотым орнаментом. Северянин вымыл голову и Скалли помогла брату заплести волосы в косу и закрепила её бронзовым кольцом, на котором умелый мастер вырезал молот Тора. Она же подвела брату глаза черной краской и аккуратно подстригла бороду.

– Давай, – Скалли хлопнула брата по плечу, – не посрами своего деда, великого Бьёрна!
– девушка передразнила отца.

– Если на меня нападут фибраты в темноте, я буду готов! – отшутился Бьярки.

Мать, Скалли и братья проводили северянина до ворот. Рэв на прощание обняла сына, тоже сделала и Скалли. Братья отсалиutowали Бьярки поднятыми вверх кулаками и юноша, широко улыбаясь, направился к отцу и его спутникам.

У ворот его ждали несколько человек. Старейшина Вигто Ларссон – скрюченный старик с длинной белой бородой, которой позавидовал бы сам Один, трое свободных мужчин Лейпта, все трое соседи Хлёдвир. В руках отец сжимал новенький меч в карминовых кожаных ножнах.

Глаза Бьярки засветились, когда он увидел оружие. Этот меч предназначался ему, и только ему. На Лейпте только свободные взрослые мужчины имели право носить оружие.

– Затвора утром ты уже будешь красоваться на моем поясе, – прошептал юноша.

Они сразу же отправились в путь. Бьярки удивился, как это Вигто Ларссон обошелся без своих скучных наставлений, но несказанно был рад идти и слушать рассказы мужчин о их посвящении. Конечно же, их истории были полны небылиц, но тем интереснее было слушать.

«Вот бы хоть часть из их рассказней оказалось правдой. Как не хочется целую ночь просидеть в скуке...» – думал юноша, вежливо кивая на слова соседей.

До грота было примерно два часа пути, который пролегал по редкому лесу. Лучи заходящего солнца проходили сквозь качающиеся кроны деревьев, создавая на лицах странников танец теней. Деревья здесь росли исключительно из Мидгарда, в основном бук, клен, осина и ясень. Подлесок состоял почти целиком из папоротника, у которого в Нургарде не нашлось вредителей, и он распространился по всему Звёзднолесью, грозя захватить и обширные местные леса.

Иногда, Бьярки касался коры столетних деревьев, чувствуя с ними едва уловимую связь. В Нургарде, а именно так называли обитатели Звёзднолесья свой новый мир, было полно интересных растений, многие из которых люди активно использовали для своих нужд, но все равно для каждого из них были более близки древа Мидгарда.

Когда закат окрасил небо в ярко-красные тона, они вышли к гроту. Снаружи, он и правда напоминал обычную пещеру, с узким и высоким входом. Пещера расположилась среди узких невысоких скал, с которых начиналась горная гряда, тянувшаяся до земель зеленокожих никили.

Отец скинул поклажу на землю. – Мы будем ждать тебя здесь. И помни, если ты выйдешь раньше, чем рассвет окрасит горизонт – ты будешь считаться провалившим испытание и еще целый год тебя не допустят к испытанию.

Бьярки махнул рукой. – Знаю, знаю.

К юноше подошел старейшина. – Один будет пристально наблюдать за тобой, Бьярки Хлёдвиссон из рода Бьёрна. Не посрами честь твоего деда.

Юноша закатил глаза, но перечить старейшине не стал.

Вигто Ларссон тем временем продолжал: – Если увидишь что-то странное, то знай, сам Всеотец посылает тебе видения, дабы испытать твой дух. Тебе уже восемнадцать зим, раньше, в Мидгарде юноша становился мужчиной гораздо раньше. Поэтому если ты не справишься со страхом, то будешь осмеян.

Бьярки оставалось лишь тяжело вздохнуть.

Наконец, когда наставления старших закончились, а солнце окончательно скрылось за горизонтом, Бьярки смело ступил в холодную тьму грота.

Полная тьма охватила его едва он сделал шагов пять. Дальше юноша двигался на ощупь и остановился, когда его пальцы почувствовали, как грубый камень сменила гладкая и холодная металлическая поверхность. Бьярки знал, что такие листы металла сейчас находятся у него под ногами и над головой.

– Делать стены, пол и потолок из металла – это самые неразумные траты, которые я могу только представить, – сказал Бьярки во тьму. Вокруг было настолько темно, что казалось даже воздух стал гуще и его слова тонут в нем.

– Тут и правда неуютно. И холодно, – буркнул Бьярки.

Чтобы испытание считалось выполненным он мог просто сесть на пол и просидеть здесь до самого утра, но юноше было скучно, да и садиться на холодный как лёд пол желания не было.

Поэтому юноша принял решение двигаться дальше. Шаги по металлическим плитам отзывались гулким эхом, а идти получалось только держась пальцами за стену.

«А если я в такой мгле не смогу вернуться обратно?» – закралась в голову Бьярки мысль. Но северянин усилием воли прогнал трусливые поползновения. Тому, кто завтра станет мужчиной не подобает бояться.

Однако, идти по прямой удалось недолго. Буквально через несколько шагов, рука Бьярки провалилась в пустоту. Юноша сжал пальцы в кулак и медленно перевел дух. Он ничего не видел. Слуху тоже не за что было уцепиться. А теперь еще и направление потеряно.

Разум услужливо начал подсовывать картины того, как Бьярки ходит кругами в полной темноте и не может выйти. А если он пропустит рассвет, юношу пойдут искать и тогда позор падет на его голову.

Но возвращаться назад и просто сидеть в нескольких шагах от выхода, Бьярки не собирався. Тогда ему будет стыдно смотреть на себя в зеркало, а для юноши это было хуже, чем опозорить весь род Бьёрна.

Северянин вытянул руки вперед и осторожно сделал несколько шагов. Он уперся руками в стену. – Получается произошло разветвление, – догадался юноша. – Налево или направо? – вслух размышлял Бьярки.

Самое сложное для северянина было то, что он не мог вести счет времени. Даже внутренние ощущения в полной темноте и тишине подводили его. Да еще и стоять на месте было мучительно холодно.

– Вот бы Один послал воронов Хугина и Мунина, чтобы они указали мне путь, – замечтался Бьярки.

Но Один оказался слеп к чаяниям молодого северянина и Бьярки пришлось делать выбор наугад. Он пошел налево.

Юноше было скучно, и он считал свои шаги вслух. Отсчитав двадцать шагов, Бьярки наткнулся на новое разветвление. – Наверное, теперь лучше всегда выбирать левое направление, чтобы не запутаться, – сказал юноша в темноту. Он специально говорил вслух, чтобы слышать хоть что-то.

Бьярки продолжил идти сквозь тьму, сомневаясь в каждом своем шаге. Он уже был практически готов все бросить и повернуть назад, когда вспомнил о благословении его друга Марка и Минэко. – Если уж Один и правда оставил меня, может хоть эти боги помогут мне? – спросил Бьярки сам себя. – Дух моего деда смотрит на меня? А духи предков Минэко? А Бог Марка? Сколько зрителей для меня одного...

Впереди мелькнуло зеленоватое свечение. Обрадовавшись, Бьярки побрёл в сторону вспышки, искренне надеясь, что это было не единичное событие.

Вскоре мелькнула новая зеленая вспышка, затем еще одна и еще, пока впереди не стал виднеться устойчивый огонек цвета зрелой листвы. Юноша уверенно направился к свету.

Когда до источника зеленого свечения оставалось несколько шагов, Бьярки остановился. Свет исходил от удивительного устройства – это был металлический куб, одна из сторон которого напоминала темное зеркало, на поверхности которой появлялись и исчезали словно горящие изнутри рубленные символы, составленные из множества полосок и точек.

Но не таинственный куб стал причиной резкой остановки северянина. Около загадочного устройства на пятках сидел самый настоящий дракт. Его глаза были закрыты, а сам он казался погруженным глубоко в себя.

Бьярки никогда в жизни не видел настоящего дракта, только разглядывал рисунки, которые изображали победу его деда над ними, но юноша сразу узнал иноземца.

Серая кожа, широкие плечи, крупные части тела, вдвое больше, чем у среднестатистического человека, крупные темные губы, большой нос, крючковатый и выделяющийся на лице, с крупными изогнутыми ноздрями, тонкие брови и невероятные волосы. Каждая волосинка у драктов была толщиной в человеческий палец и эти странные волосы иноземец собрал в пучок на затылке. Маленькие приплюснутые уши были едва заметны.

Бьярки неловко переступил с ноги на ногу. Заговорить с живым драктом он не решался, а сам иноземец на легкий шум от юноши не обращал никакого внимания. Северянину ничего не оставалось, кроме как продолжить разглядывать дракта.

Одет иноземец был в просторную бурую холщовую одежду, у которой Бьярки не заметил разделения на верх и низ, она была будто целиком сшитой из одного куска ткани. «Как же он умудрился надеть её на себя?» – подумал юноша. В руках у дракта были четки, из крупных, размером с грецкий орех, шариков, но не материал, ни цвет Бьярки не смог разобрать из-за недостатка света. Периодически, со щелчком, дракт перемещал один шарик, в этот момент его губы ненадолго начинали шевелиться.

Бьярки задумался. Оружия при дракте он не заметил, как, впрочем, его не было и у самого северянина. Но очевидно, что иноземец, с плечами шире, чем у Бьярки почти в два раза и с руками и ногами толщиной с самого северянина, сможет сломать юношу и без оружия.

Но у Бьярки оставалось лишь два варианта как поступить. Либо отступить, с чем его северная душа была категорически не согласна, либо попытаться заговорить с иноземцем. Бьярки долго не раздумывал.

– Кхм, будь здоров и счастлив, дракт, – неловко поприветствовал иноземца юноша на языке северян.

Дракт медленно открыл глаза с ярко-зеленой радужкой и большим круглым зрачком. Наличие Бьярки прямо перед ним не особо удивило иноземца, либо он постарался этого не показывать. Он лишь слегка поерзал, поудобнее устраиваясь на собственных пятках.

– Да осветит Анеша твой путь, человек, – ответил дракт на латыни. Это был редкий язык даже среди обитателей Аквы, но Марка заставляли учить его для поступления в Высшую школу, а Бьярки выучил его шутки ради, помогая другу. Да и большинство книг Хладгейта было именно на этом языке.

– К сожалению, – продолжил иноземец низким грубым голосом, – я не знаю твоего языка, но предположил, что ты поприветствовал меня, такой вывод я сделал, по-твоему, относительно дружелюбному тону.

Бьярки не удержался от небольшого смеха. Дракт говорил на латыни вычурно, по-книжному, витиевато, как в книгах Марка.

– Откуда ты знаешь язык людей? – Бьярки тоже перешел на латынь. Говорил северянин на этом книжном языке неловко, с большими паузами, даже несколько хуже, чем иноземец. Все-таки, в общении с обитателями Лейпта он предпочитал язык северян, а в общении с другими обитателями холмов он пользовался дженералисом – языком, который создали Предвестники для общения людей друг с другом сразу после Великого переселения.

– Из тысячи и одного бога я избрал путь Анеши и как её верный последователь я изучаю мудрость других народов. Твой народ запечатлевает мудрость в книгах и написаны они на этом языке.

– Ничего себе! – Бьярки не смог сдержать удивленного возгласа на языке северян. Его словарный запас на латыни был довольно ограниченным. – Я думал, дракты любят войну и очень агрессивны, – он снова перешел на латынь.

Дракт провел двумя пальцами правой руки по лбу. – Те, кто поклоняется богу мстительной войны Фибру, служат ему войной, мы же, последователи богини мудрости, и мы служим ей изучая мудрость других народов.

– Вот откуда название фибраты... – Бьярки почесал нос. – А как ты тут оказался? Ты в курсе что это территория людей? И что тебя ждет, если тебя найдут мои соплеменники?

– Я нарушил вашу границу, чтобы прийти сюда, – кивнул дракт. – Но Главный звездочёт дал мне послушание – искать знания Предвестников, а это подземелье ближайшее из неизученных драктами руин тех, кто пришел со звёзд.

Бьярки мало что понимал из слов дракта, но его раздирало от какого-то мальчишеского восторга от встречи с новым, неизведанным, от возможности соприкоснуться со страшными драктами из сказаний о его великом деде.

– Звёздное лесье Предвестники выделили людям, – покачал головой юноша. – Вам можно находиться только в Эмпориополе – этот город мы выстроили специально для торговли с иноземцами.

– Слуги Анеши ходят там, где есть мудрость, – с некоторым вызовом в голосе ответил дракт.

– Но недолго, – рассмеялся Бьярки. – И как успехи в твоём послушании?

– К сожалению, весьма скромные, – дракт провел двумя пальцами левой руки по подбородку. – Мне удалось запустить древнее устройство Предвестников, но более я ничего сделать с ним не могу. Язык пришедших со звёзд утерян и эти надписи для меня не более, чем набор закорючек.

– Я бы хотел тебе помочь, но за мудрость у нас отвечает мой друг Марк, – хохотнул Бьярки. – Я больше отвечаю за то, чтобы никто не помешал ему собирать мудрость. Можно сказать, что тоже несущ свет просвещения, только кулаками.

– Когда это нужно для защиты или для спасения знаний, я тоже надеваю оружие, – дракт провел двумя пальцами правой руки по щеке. – А зачем ты здесь, человек? – неожиданно заинтересовался иноземец.

– Я прохожу испытание. Если просижу здесь до рассвета – меня нарекут мужчиной.

– Станный ритуал, – дракт повторил жест с проведением пальцами по лбу.

– Не более странный, чем твои странные движения пальцами, – Бьярки почувствовал укол обиды за выпад иноземца в сторону их священного обычая.

– Ты не знаешь? – дракт опять повторил тоже движение. – Так наш народ выражает эмоции. Если мы удивляемся – проводим пальцами правой руки по лбу. Для каждой из тридцати присущих драктам эмоций у нас есть свое движение, оно отличает местом движения, рукой или количеством пальцев.

– Я столько всего не запомню, – махнул рукой Бьярки. – Сложно у вас все.

– Я так же думал, когда изучал ваш народ впервые, – дракт положил два пальца правой руки на нос.

– И что ты планируешь делать дальше? Раз с ним не разобрался? – Бьярки кивнул на старинный куб. Первое впечатление от встречи с неизведанным уже схлынуло, юношу немного утомили сложные рассказы иноземца и его взбудораженное тело требовало действий.

– Пойду глубже в подземелье, – дракт медленно начал подниматься. – Когда я понял, что в тупике, то вошел в транс, чтобы вознести молитву Анеши и она открыла мои глаза. «Иди и найдешь», – сказала она. И я буду искать.

– Хотел бы я пойти с тобой, – вздохнул Бьярки. – Но я и так рискую, долго оставаясь здесь. Здесь невозможно понять сколько осталось до рассвета.

Дракт повернул к Бьярки внешнюю сторону запястья правой руки. Северянину пришлось наклониться ближе и прищуриться, чтобы разобрать детали в неярком зеленоватом свете. На запястье дракта кожаным ремешком было закреплено маленькое странное устройство – круглое, прикрытое стеклом. Внутри были искусно сделанные облака из серебристого металла, а над ними был закреплен желтый кружок, напоминающий луну. На глазах Бьярки устройство щелкнуло, и «луна» сдвинулась ближе к левой стороне круглого механизма.

– Когда ночное светило достигнет горизонта, – пояснил иноземец, – с противоположной стороны покажется кусочек дневного. Это значит, что пришел рассвет.

А как это работает? Магия?

– Магии не существует, – иноземец коснулся носа. – Внутри маленькие зубчатые колеса и заведенная пружина. Пружина медленно разжимается и механизм рассчитан так, что учитывает ежедневные изменения в движении солнца и луны. Этот шедевр сотворили последователи Вареса – бога механизмов.

Бьярки присвистнул. – Ничего себе у вас святоши. На Акве есть часы, которые работают от похожего механизма, но для них целую башню нужно, а тут вон какие махонькие.

– Так что можешь не бояться, что пропустишь рассвет. Если пойдёшь со мной, конечно.

Бьярки задумался. Выбор был лёгким. – Идём, дракт. Один нас ведёт, и одному Всеотцу ведомо почему нам нужно вниз.

– Расскажи по дороге о вашей религии, мы собираем такие сведения, – иноземец медленно поднялся.

– О, это не ко мне, – Бьярки махнул рукой. — Это тебе надо к Марку, он правда рассказал бы тебе про своего Бога, Иисуса, но зато говорить он об этом может часами. Я такое не люблю.

– Печально, – дракт коснулся левого века.

– Как тебя звать-то?

– Арана нач-Анеша, что означает служитель богини мудрости. Ты можешь называть меня Арана.

– Как мы пойдём в такой темноте?

Иноземец поднял из-за куба стеклянный фонарь, внутри которого был установлен кусок белого камня.

– Это светодорит – светящийся камень, – пояснил Арана и открыл дверцу. Он щелкнул пальцами по поверхности и камень начал едва заметно мерцать, а спустя десяток секунд засветился, отбрасывая густой мрак на пару шагов в сторону.

– Я явно лучше тебя подготовился к путешествию в грот, – Арана коснулся носа и Бьярки понял, что иноземец так показывает веселье.

– Лучше бы улыбались, – хохотнул юноша, – но я уже начал заучивать ваши жесты. А что касается подготовки – так в этом и смысл испытания – сидеть в крошечной темноте без ничего.

Они двинулись сквозь мрак. За спиной Араны покачивался довольно объемный кожаный мешок, и Бьярки гадал, что же интересного мог там нести дракт.

Скоро коридор начал наклоняться, и они ощутили, что двигаются все глубже под гору. Периодически блеклый свет выхватывал из темноты боковые проходы, но Арана продолжал уверенно двигаться вперед.

Однако путь им преградила металлическая дверь, высотой от пола до потолка, и во всю ширину коридора. Ручек или еще каких-либо привычных вариантов открыть дверь Бьярки не заметил. Около двери был невысокий постамент, на котором опять лежало темное зеркало.

Арана подошел к нему и коснулся пальцами гладкой поверхности. Лицо дракта осветилось зеленоватым светом и на поверхности темного зеркала вновь появились таинственные знаки.

Бьярки вновь почувствовал, как внутри захватывает дух от столкновения с чем-то настолько мистическим и таинственным. *«Я словно герой древних саг, который заглядывает в котел вёльвы»*, – подумал северянин.

– Странно, – пробормотал Арана. – Обычно, если тронуть вот такой знак с хвостиком, дверь открывается.

– А ты думал она магическим образом поднимется? – рассмеялся Бьярки.

– Внутри горы есть механизмы, – ответил дракт. – Как в моем устройстве на руке.

– Устройство на руке... – задумчиво пробормотал Бьярки. – А название то есть у этого устройства?

– Если переводить на ваш язык, самым близким словом для названия будет «темпора».

– Красиво, – вздохнул Бьярки. – И что показывает темпора?

Арана бросил быстрый взгляд на запястье. – На моей темпоре примерно десять положений луны, сейчас ночное светило на шестом положении и получается, что прошло где-то половина ночи.

– Быстро тут время летит. Но до рассвета еще далеко, – зевнул юноша. – Сходим посмотрим боковые коридоры?

– Нет, чем глубже под землю, тем ценнее знания, – Арана посмотрел вверх. – Там есть проход.

Бьярки проследил за взглядом иноземца. В темноте над дверью был едва различимый проем, в который могла бы пролезть крупная собака. Ну или невысокий худощавый Бьярки. Проблема была в том, что проход был закрыт металлической решеткой.

– А как... – начал было говорить северянин.

Но Арана долго не раздумывал. Он разбежался, запрыгнул на шаг вверх по стене, оттолкнулся от нее, и с легкостью, которую было сложно ожидать от такого массивного существа, взлетел вверх и ухватился руками за прутья решетки, повиснув над полом.

Все произошло настолько быстро, что Бьярки оставалось только изумленно ахнуть.

Арана начал раскачиваться, отталкиваясь ногами от двери и в конце концов, решетка скрипнула и оторвалась, а могучий дракт с грохотом приземлился на пол с куском металла в руках.

– Я туда не пролезу, – Арана посмотрел вверх. – Придется тебе, Бьярки. – Это был первый раз, когда дракт назвал его по имени. Получилось смешно, в устах иноземца его имя звучало чересчур твердо.

– Тут другая проблема, – юноша почесал затылок. – Я так высоко не прыгну.

– Я подсажу. – Иноземец уперся руками в дверь, подставляя северянину свои плечи.

Бьярки задумался. – А какой план? Я перелезу и что дальше?

– Я надеюсь, что с той стороны есть возможность открыть дверь. Если нет, вернешься тем же путем и мы пойдем проверять боковые коридоры.

Бьярки вздохнул. Здравый смысл подсказывал не рисковать, но юноша принял голос разума за банальную трусость, а этого он позволить себе не мог. – Хорошо.

Бьярки забрался на плечи могучего иноземца и подпрыгнул, заставив дракта хрипло вздохнуть.

Крепкие пальцы юноши схватились за край и с громким выдохом, юноша подтянулся и неловко забрался внутрь металлической шахты.

Внутри было очень тесно, плечи упирались в стенки, а потолок давил на спину, заставляя вжиматься животом в холодный металл.

Бьярки пришлось ползти совсем немного, скоро под ним оказалась еще одна решетка, которую он выдавил, и она со звенящим грохотом обрушилась на пол.

Юноша поморщился и выглянул вниз.

До пола было далеко и судя по окружающей обстановке, подставить что-то, чтобы запрыгнуть обратно, будет проблематично.

– Рискнуть или нет? – пробубнил себе под нос северянин. – Я что, трус, задавать себе такие вопросы? Эх, помоги мне Один. – С этими словами, парень свесился из отверстия на вытянутых руках, и, зажмурившись, спрыгнул на пол.

Удар об металлическую поверхность отозвался волной боли, которая, казалось, прошла разом через все суставы Бьярки. Но она закончилась, поэтому, уже через мгновение, юноша выпрямился и огляделся.

С этой стороны дверь выглядела иначе. У нее был металлический винт, который юноша тут же принялся крутить. Поворот справа налево ничего не дал и Бьярки попробовал крутить в другую сторону.

Спустя пару поворотов, между дверью и стеной появилась щель, с каждым новым полным оборотом она росла. Бьярки весь взмок, прежде чем смог открыть дверь достаточно, чтобы в нее смог протиснуться Арана.

Северянин утер рукавом влажный лоб. – Твой план был рискованным, как плавание Эрика Рыжего, но оно того стоило!

– Ты рисковал ради знаний, а значит Анеша одарит тебя своим благословением.

– Еще одно благословение? Ей придется становиться в очередь.

Арана на дерзость северянина ничего не ответил, только с особенно громким щелчком сдвинул очередную бусину на четках.

Бьярки хмыкнул и махнул рукой. Дракт приложил пальцы к мочке правого уха, хотя и без этого было видно, что он разозлен.

Северянин проигнорировал его жест и дракт, подвигав пальцами возле лица, направился вперед, освещая путь.

Металлический пол наполнял пространство гулом под их шагами. Световой камень начал мерцать и блекнуть, Аране пришлось снова щелкнуть по нему, заставляя светиться ярче.

Коридор закончился, и они вышли в просторный зал, который был полон странных устройств, напоминающих бочки из непрозрачного стекла. По тени было понятно, что внутри что-то есть, но кроме смутных силуэтов, отдаленно напоминающих человеческие, разобрать что-либо не представлялось возможным.

От бочек вверх тянулись черные блестящие веревки, которые соединялись все вместе под потолком, оплетая выступающую сверху колонну из белого металла, по всей поверхности которой бегали красные, желтые и синие яркие огоньки.

– Поразительно, – пробормотал Арана, крутясь и рассматривая чужеродные конструкции.

Бьярки не разделял энтузиазма дракта. Юноша нашарил на груди амулет в виде молота Тора и крепко сжал его в руках. От этого зловещего колдовства северянину было не по себе.

Арана подошел к ближайшей бочке и практически припал к ней, пытаясь рассмотреть, что скрывается внутри. Это ему не удалось, и он начал ходить вокруг. Наконец он остановился напротив небольшого постамента с темным зеркалом. Такой постамент был у каждой бочки. Арана потыкал в него, тот выдал как обычно набор зеленых символов, но дальше дело не сдвинулось.

– Предвестники ушли три сотни зим назад, – покачал головой Бьярки. – Как это колдовство все еще может быть здесь. Разве оно не должно развеяться?

– У колдовства есть срок годности? – спросил дракт, касаясь носа. – Я же тебе уже говорил, магии не существует. Это искусная технология, столь продвинутая, что может работать без перебоев три столетия. Либо... – Арана резко замолчал.

– Либо? – Бьярки был заинтригован.

Дракт посмотрел на юношу, несколько секунд подумал и потом все же продолжил: – Либо они возвращаются в этот мир и присматривают за своими механизмами. Иногда дракты видят летающие суда пришедших со звезд, но чаще всего таких принимают за сумасшедших.

– Вот почему ты замолчал, – понимающе кивнул Бьярки.

Неожиданно их разговор прервал резкий скрежет и гул. Дверь с противоположной стороны зала поднялась и внутрь вошли пять существ.

Двое из них оказались людьми, один с раскосыми узкими глазами и смуглым лицом, в руках у него блестел изогнутый ятаган, а второй с черной словно ноябрьская ночь кожей. Он напоминал жителей холма Хева из Хладгейта и был вооружен копьем. Еще двое без сомнения были никили – зеленая кожа, изящные тела и красные волосы не оставляли в этом никаких сомнений. Вооружены они были тонкими длинными клинками, на рукояти которых были искусно выполненные бутоны цветов. Будь это цветы Мидгарда, Бьярки бы даже смог их узнать, настолько удачно они были сработаны.

А вот пятый был самым настоящим адроном из края вулканов. Лиловая кожа, черные как уголь волосы, высокий рост – Бьярки именно так представлял себе инеистых великанов из Ётунхейма, когда про них рассказывали скальды. Меч адрона поражал – огромный, размером с Бьярки, клинок словно сработан из черного стекла с фиолетовым отливом. Бьярки прищурился, высматривая знаменитые уши адронов – они у них были миндалевидные и закрывались веками, как глаза. Хорошо хоть ресниц не было, а то выглядело бы жутко.

Люди были в кольчугах и шерстяных плащах, никили в длинных темных с золотом одеяниях, а вот адрон был обнажен по пояс, впечатляя своей точенной мускулатурой, выделяющейся на лиловом теле.

Бьярки с тревогой оглянулся на Арану. Если пришельцы окажутся настроены к ним враждебно – живыми из этого грота уже не выбраться. Дракт сделал несколько шагов, оказавшись за спиной юноши.

На мгновение у северянина даже мелькнула мысль: а уж ни за одно ли с ними Арана, так настойчиво звавший его за собой в глубины, но ход мыслей юноши прервали слова вошедших.

– Зубери, – обратился смуглый к своему темнокожему спутнику на дженералисе, – ты говорил, если мы войдем с этой стороны, точно ни на кого не наткнемся. Теперь придется убить их.

– Будто тебе впервой убивать излишне любопытных, – буркнул темнокожий, опуская копье и тем самым направляя его острие вперед.

«Ну хотя бы Арана не с ними, – подумал Бьярки, настороженно озираясь в поисках чего-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающего оружие. – Вот только похоже сегодня валькирии заберут меня в Вальхаллу».

Что-то, что подошло бы как оружие, северянин не обнаружил, зато увидел, что дракт за его спиной времени даром не терял. Он развязал свой заплочный мешок и сейчас заканчивал затягивать ремни на предплечьях. По обе стороны от его рук вперед вытянулись широкие слегка изогнутые лезвия. На изображениях, где его дед повергал фибратов, дракты всегда были с подобным оружием. Отец говорил Бьярки, что боги посчитали их недостойными держать оружие в ладонях.

Дракт вышел вперед, демонстрируя мощное оружие. На латыни он прокричал: – Уходите и, да видит Шона, сегодня не прольется кровь.

Как Бьярки и ожидал, никто из незнакомцев даже не понял слов Араны. Лишь двое людей переглянулись, явно услышав что-то знакомое в словах дракта.

– Он говорит, что вам лучше убираться, иначе его боги позволят пролить вашу кровь, – выкрикнул Бьярки на дженералисе.

Все пятеро захохотали, очевидно хорошо зная этот язык людей. – По-твоему я не отличу служителя Араны по его одеянию и четкам? – сквозь смех выговорил смуглый. Удивлен, что у него вообще есть оружие, но все равно владеть им их не учат.

Бьярки почувствовал, как воспарившая было в душе надежда снова обрушилась вниз. Если Арана и правда был неважным воином, против пятерых противников ему не выстоять. Даже если Бьярки бросится кому-то на спину и отвлечет.

Но Арану слова смуглого человека ни капли не смутили. Он, со скрежетом, угрожающе провел лезвием об лезвие, и уверенно начал наступать.

Смуглый, который явно был у головорезов за командира, махнул рукой, призывая своих соратников рассредоточиться и наступать на Арану с разных сторон. Бьярки напрягся, готовый броситься на ближайшего противника.

Но дракту не особо была нужна помощь. Он умело ушел из-под взмаха огромного клинка адрона и вонзил правое лезвие в грудь ближайшего зеленокожего. Затем крутанулся и чиркнул левым лезвием по шее смуглого.

Мощным прыжком дракт отпрыгнул от потрясенных головорезов. Зубери выставил против него копье, держа на расстоянии, а оставшийся в живых никили и адрон начали обходить Арану со спины. Все благополучно забыли про северянина.

Бьярки бросился вперед и подхватил ятаган смуглого. Пришла его пора действовать.

Бьярки бросился на адрона, но чуткий слух позволил иноземцу вовремя среагировать и лезвие ятагана, нацеленное на черноволосую голову столкнулось с блестящим мечом. Неизвестный материал адроновского меча не только выдержал столкновение, но и оставил заметную зазубрину на стальном ятагане.

Только годы тренировок позволили Бьярку увернуться от пинка адрона, после которого неизбежно бы было знакомство его шеи с огромным клинком.

Атака Бьярки позволила Аране действовать свободнее и тот ударом одного лезвия отвел меч никили в сторону, а вторым лезвием нашел его сердце. Зелёная кровь во второй раз пролилась на металлический пол, а количество противников сравнялось.

Бьярки вновь атаковал адрона, но тот ушел в бок и едва не нанес удар в ногу юноши.

Северянин почувствовал, как кровавая пелена ярости начала застилать глаза. Его раздражал ловкий и быстрый иноземец, стиль боя которого не был похож ни на то, что показывал его отец, ни на то, что Бьярки сам видел в Хладгейте.

Однако, адрон сейчас полностью был заботой юноши, пока Арана крутился вокруг Зубери, который копьем заставлял дракта держаться на расстоянии. Краем глаза Бьярки заметил, что во время боя темнокожий задел копьем одно из темных зеркал на постаменте и на полу вокруг бочки начало мерцать ярко-желтое кольцо.

Бьярки поджал губы и сделал шаг назад, давая себе место для маневра и время на размышления. Клинок адрона был длинным и давал тому преимущество и судя по тому, как иноземец им орудовал, меч был еще и необычайно легким. Адрон еще и был на полторы головы выше Бьярки и шире в плечах.

«Давай же, Бьярки, не бойся, – уговаривал сам себя юноша, – ты же внук Медведя, ты сможешь! Фибраты тоже были сильными, но дедушка справился».

Адрон, почувствовав, что соперник слабее, начал наступать агрессивнее, то и дело практически подпрыгивая к юноше и делал широкие рубящие движения, заставляя уйти в глухую оборону.

Но Бьярки не поддался панике. Подловив очередной широкий взмах адрона, юноша бросился вперед и рубанул острым ятаганом по незащищенному животу иноземца. Тот округлил глаза от неожиданности и упал на пол.

Бьярки оказался за спиной адрона и закончил страдания противника, рубанув того по хребту. В этот же момент за спиной раздался вскрик.

Северянин резко обернулся. Зубери вонзил копьё в бедро противника и готовился рывком выдернуть его и добить дракта.

Бьярки заревел, подпрыгнул к Аране и одним мощным ударом перерубил копьё, лишив противника оружия.

Зуберу отшвырнул палку и, выхватив с пояса искривленный кинжал, отступил назад. Его глаза на секунду задержались на трупке адрона, который лежал в луже синей крови и Зуберу принял единственно верное решение. Он бросился бежать туда же, откуда и пришел, оставив Бьярки около стонущего от боли дракта.

Юноша присел около Араны. Дракт закусил левую губу и громко пыхтел, открепляя ремни с предплечий. Бьярки помог ему снять оружие и взялся за наконечник копьё, готовясь вытащить его из раны.

Иноземец, увидев, что собирается сделать северянин, зажмурился и громко начал читать молитвы на своем языке. Из всего, что он торопливо перечислял на гортанном грубом языке, Бьярки различил только имена Анеши и Шоны, которые дракт упоминал раньше.

Бьярки вытащил наконечник из раны. По серой коже заструилась почти прозрачная кровь, напоминающая мутную воду.

Бьярки зажал рану рукой. – Я не знаю строение ваших тел, Арана, – громко сказал северянин шокированному от боли дракту, но судя по тому, что крови не очень много, крупные сосуды не задеты.

Арана посмотрел на руку северянина, которая зажимала рану и указал на заплечный мешок, который валялся на полу. – Там есть ткань для перевязки.

Бьярки положил руку дракта на рану, надавил, показывая Аране с какой силой надо зажимать и бросился к вещам дракта. Внутри лежало несколько человеческих книг, сменная одежда, кожаные ножны для клинков, несколько кусочков разных деревьев и смотанная в рулон тонкая ткань.

Северянин взял рулон и бросился к иноземцу, перематывать рану. Бьярки уже приходилось перевязывать своих товарищей по учебным сражениям, и он привык, что ткань быстро багровеет от крови. Здесь же она всего лишь стала темнее, будто просто пропиталась водой.

Убедившись, что рана надежна перевязана, Бьярки поднялся и оттер кусочком ткани руки. – Это временно, надо зашить рану. Идти сможешь?

– Давай попробую, – выдохнул Арана протягивая руку.

Бьярки помог тяжеленному дракту встать на ноги и тот охнул, согнувшись пополам.

– Так больно?

Дракт не ответил, лишь приложил два пальца к левому уголку губ. Бьярки не знал, что значит этот жест, но не нужно было обладать большим умом, чтобы догадаться, что так Арана показывал, что ему больно.

Бьярки подлез под левое плечо иноземца и помог ему выпрямиться. – Давай попробуем так, – предложил юноша.

У них, с трудом, но получилось сделать несколько шагов. Бьярки пыхтел, дракт был очень тяжелым. Аране же виновато смотрел на юношу, но поделать ничего не мог.

Дракт поднес запястье с темпорой к лицу Бьярки. – Я смогу так идти, но тогда ты рискуешь не успеть до рассвета.

Северянин бросил быстрый взгляд на устройство. Луна и правда неумолимо приближалась к краю.

– Время еще есть, – Бьярки подтянул Арану поближе к себе. – Если буду сильно не успевать, положу тебя отдохнуть на полу, сбегая зафиксирую прохождение испытания и вернусь за тобой. Договорились?

Арана неопределенно махнул рукой.

Бьярки истолковал это как согласие, аккуратно посадил иноземца на пол, вложил клинки дракта в ножны, убрал все в заплечный мешок и закрепил его на спине Араны. Щелкнул по светящемуся камню, чтобы не отвлекаться на это по пути и вложил его в свободную руку иноземца.

Собирая вещи, северянин задержался около лежащего в крови тела адрона. Хотя отец всегда говорил, что убить врага почетно, сейчас, глядя на безвольное тело иноземца, Бьярки чувствовал опустошенность. *«Он даже в Вальхаллу попасть не сможет»*, – посетила северянина горькая мысль.

– Твой первый? – сразу догадался Арана.

Юноша кивнул. Его руки слегка задрожали и Бьярки сжал кулаки, заставляя себя собраться.

– Ты можешь отдать ему последние почести, тогда тебе станет легче, – в голосе Араны даже без всяких жестов можно было почувствовать сочувствие. – Для адронов много значит их пояса, на них они вышивают разные знаки, пришивают бусины и значки, которые символизируют их род, семью и важные события в жизни. После смерти, если нет возможности предать тело горному огню, адроны стараются снять пояс своих погибших собратьев и бросить его в жерло вулкана. Сними его пояс и, когда судьба поможет тебе оказаться около края вулканов, исполни их обычай.

Бьярки кивнул. Ему понравилась идея Араны, и юноша даже почувствовал, как на душе стало легче. Он снял пропитанный синей кровью пояс адрона и убрал в карман брюк. *«Рассмотрю потом, при нормальном освещении»*, – подумал северянин.

Бьярки присел около Араны, готовясь поднять его.

В этот момент с лязгом поднялось стекло бочки, под которой горел желтый круг. На пол хлынул поток мерцающей зелено-бурой жидкости и следом вывалилось тело.

Бьярки вздрогнул от испуга. Лежащее на полу существо было чем-то лишь крайне отдаленно напоминающим человека. У него было человеческое лицо и тело, но волосы были толщиной с палец, как у дракта, кожа зеленая, как у никили, а уши скрывали веки, как у настоящего адрона.

– Что это за мерзость? – брезгливо спросил Бьярки.

– Это гибрид, – Арана подполз ближе, несмотря на боль. – Видимо Предвестники сделали его, смешав все разумные расы.

Бьярки содрогнулся, представив, что его смешали бы вот так с кем-то. – Но зачем?!

Арана коснулся носа. – Это лучше у Предвестников и спросить.

Внезапно гибрид зашевелился. Бьярки вздрогнул и сделал несколько шагов назад. Существо подняло голову и широко распахнуло глаза с вертикальным кошачьим зрачком, как у никили. А затем изо рта помеси начала исходить пена и он начал рычать и метаться по полу.

Бьярки едва успел отскочить, когда заревевшее существо бросилось вперед и врезалось в пьедестал у еще одной бочки, лицом разбив темное зеркало. Закричав от боли, гибрид подпрыгнул, взлетев в воздух и запутался в черных веревках, идущих от бочек вверх.

Бьярки поднял с пола ятаган, не сводя глаз с визжащего и мечущегося гибрида. Наконец, оборвав с полдюжины веревок, помесь приземлилась на пол. Её глаза налились вполне себе человеческой красной кровью, и она бросилась на Бьярки. Юноша едва успел отпрыгнуть в сторону от быстрого существа и рубанул ятаганом по ноге. Гибрид упал и вновь завизжал.

У Бьярки не поднималась рука добить его. Но это и не понадобилось. Повизжав с минуту, гибрид дернулся и затих.

Осторожно Бьярки подобрался ближе. Существо не дышало и почти не оставалось сомнений, что оно лишилось жизни.

– Видимо эти гибриды не слишком жизнеспособны, – сказал Арана. – Думаю тебе стоит уходить, Бьярки. Благодарю за все, что сделал для меня и пытался сделать.

Юноша сдвинул брови. – О чем ты?

Арана указал на желтые круги вокруг десятка бочек. – Время на исходе, – иноземец постучал по темпоре.

– Я не боюсь смерти, – юноша гордо вскинул голову. – Пойдем.

Бьярки закинул руку Араны на свое плечо и потащил дракта к выходу. Разум северянина не мог придумать ничего лучше, чем вытащить Арану из грота, напрямик к его отцу и остальным. Это было очень опасно, но оставлять дракта здесь, внутри грота, одного против десятка гибридов... Бьярки сразу же отмел подобные мысли.

– Та бочка не сразу открылась. У нас есть время, – пыхтел Бьярки, таща Арану за собой. Дракт как мог помогал юноше, прыгая на одной ноге.

– А как ты научился так хорошо сражаться? – спросил Бьярки, пытаясь отвлечься от мыслей о тяжелом теле Араны.

– С детства я готовился быть воином и был послушником Шоны – бога справедливой войны. Я даже казнил несколько драктов, так как слуги бога справедливой войны вершат справедливость. Но в юношеском возрасте я почувствовал, что удел воина не мой, и Анеша призвала меня на служение. Но навыки остались.

– Удивительная история, – восхищенно выдохнул Бьярки.

Если бы у Бьярки спросили, как он вышел из грота, то вряд ли бы северянин смог бы ответить. Это было через невероятную силу воли, боль в руках и теле, пот, заливающий глаза и бешеный стук сердца. Северянин вознес хвалу Одину за то, что он послал ему мысль всегда выбирать левый проход. Блуждать в темных коридорах времени не было.

В какой-то момент Бьярки словно вышел из забытья и осознал, что стоит у входа в грот, подхватив Арану под плечо. А в лучах рассвета стоит отец с окаменевшим лицом.

Бьярки опоздал.

Глава II. По образу Своему...

– Что это? – презрительно бросил отец, кивком указывая на Арану, которого тащил Бьярки. Остальные, кроме Вигго, сорвали со спины щиты и взялись за боевые топоры. Все трое были гвардейцами ярла Лейпта и, наверное, с детства мечтали сразиться с настоящим фибратом. То, что дракт был безоружным, да еще и раненным их мало волновало.

– Это Арана, – представил своего спутника Бьярки. – Он не фибрат, он ученый.

Мужчины захохотали. – Ученый дракт? Такого не бывает. Они все кровожадные налетчики и убийцы.

– Это не так, – горячо запротестовал Бьярки. – Мы уже много лет не видели настоящих драктов, те кто присутствует здесь – вообще в первый раз. В Эмпирополе бывают мирные торговцы драктов. Мы же знаем о серокожих из рассказов о битвах Бьёрна. Наши знания неполноценны!

– По-моему неполноценен тут только твой сын, Хлёдвир, – с хохотом сказал один из мужчин отцу Бьярки.

Хлёдвир побагровел. – Из-за этого фибрата ты провалил испытание и опозорил род Бьёрна!

Арана мотал головой, смотря то на Бьярки, то на вооруженных мужчин. Языка обитателей Лейпта он не понимал, но грозный вид воинов и слово «фибраты» заставляло его с тревогой думать о своей незавидной судьбе.

– Никого я не опозорил, – огрызнулся юноша. – Пройду в следующем году.

– Не пройдешь! – заорал Хлёдвир. – Я не допущу тебя к испытанию! Ты прислужник драктов!

– Он ранен, отец, – Бьярки покачал головой. – Там внизу на нас напали какие-то головорезы. А еще там монстры, которых сотворили Предвестники. В любой момент они могут прийти сюда. Они подобны троллям, отец. Помогите мне доставить Арану к лекарю, а по дороге я все вам подробно расскажу. Прошу, отец, нам нельзя здесь надолго оставаться.

– Что?! – взревел Хлёдвир. – Чтобы я, сын великого Бьёрна Тормульдссона, помогал фибрату?! Ты решил не только себя опозорить, но и меня заодно?

Бьярки почувствовал, как заколотилось сердце. Если отец не поддержит – его дела плохи.

– Я знаю, как разрешить эту ситуацию, Хлёдвир, – сказал Вигго, делая шаг вперед. – Всеотец решил испытать твоего сына не только темнотой и страхом, но и искусить жалостью. Он слишком много общался с тем юношей с Аквы, последователем чуждого бога жалости, недостойной северянина. Чтобы достойно завершить это испытание, твой сын должен убить фибрата.

Лицо Хлёдвира расцвело. – Один велик! Я давно замечал, что ты слишком мягок для внука Бьёрна. Но Всеотец мудр и дал нам возможность превратить тебя в настоящего мужчину. Возьми меч, что тебе причитается и покарай фибрата.

Бьярки почувствовал, как внутри все сжалось. Его отец с надеждой смотрел на него. И юноша прекрасно понимал, что ждет его в случае отказа. *«А вдруг дракт и правда фибрат? – зашептал внутри юноши голос разума. – Вражеский лазутчик! А откуда у него оружие? Головорезы говорили, что последователи Анеши не умеют сражаться...»*

– Он едва стоит на ногах, – ухватился Бьярки за последний шанс спасти Арану. – Помогите мне доставить его в Хладгейт и залечить раны. А когда он снова будет способен сражаться – я выйду против него на тинге, перед лицом всех свободных мужей Лейпта.

Хлёдвир посмотрел на Вигго. Старейшина покачал головой. – Нет, он должен казнить его здесь, перед священным гротом. Иначе Один не засчитает это испытание.

– Ты слышал Вигго, сын, – Хлёдвир посмотрел на Бьярки с надеждой в глазах.

Юноша закусил губу. Он уже плохо думал об Аране перед сражением, и он не оправдал его подозрений. *«Он слишком умный для фибрата»*, – мелькнула новая мысль. Бьярки предстояло принять тяжелое решение.

– Я не могу убить раненного и не способного защищаться, – твердым тоном сказал Бьярки.

– Тогда уйди с дороги и не мешай сделать это настоящим мужчинам, трус! – его отец плюнул юноше под ноги. – Не зря Один не дал тебе пройти испытание! Слабовольный ублюдок.

Бьярки почувствовал, как грудь сжало. Он понимал, что подвел отца. Но пути назад для него не было, между отцовской любовью и совестью он выбрал последнее. – Если ты хочешь убить Арану, то в начале тебе придется убить меня.

Вигто ахнул. Мужчины как-то разом сникли и начали переглядываться. Бьярки на Лейпте знали все, он был довольно известным бойцом в глеме и просто неплохим парнем, другом их детей и сыном их соратника. Убивать Бьярки никто не хотел.

Хлёдвир вновь презрительно плюнул. – Ты заслуживаешь худшего наказания. Я созову тинг и за твои преступления тебя изгонят. А мы уходим. Если ты не явишься на тинг чрез три дня – мы проклянем тебя перед лицом богов.

– Это достойное наказание, Хлёдвир, – кивнул Вигто. – Но фибрата надо убить. Он нарушил соглашение, по которому им нельзя появляться нигде кроме Эмпориополя.

Бьярки напрягся и сжал кулаки. Отец это заметил.

– У него ранена нога. Один он до границы не доберется, а если Бьярки поможет ему, то не успеет на тинг. Ему придется бросить фибрата в лесу и здесь он все равно погибнет.

– А если в лесу есть еще фибраты? – не унимался Вигто.

– Через границу мог проникнуть одиночка, но не целый отряд. Мужики Лейпта тоже служат в дозоре, и я им доверяю. Этот фибрат – одиночка, я уверен.

– Один из первых, – фыркнул Вигто. – Ты тоже становишься слишком мягок Хлёдвир. Будь осторожнее, иначе Один отвернется от тебя.

– Был бы я мягок, то не хотел изгнать собственного сына, – Хлёдвир перевел тяжелый взгляд на старейшину. – Возвращаемся.

Мужчины переглянулись. Хлёдвир обладал авторитетом как сын Бьёрна и приближенный к ярлу человек. Подвергать сомнению его слова было опасно.

– Уходим! – фыркнул Вигто. – Будем надеяться рана этого фибрата достаточно глубока.

Мужчины начали собираться. Бьярки так и стоял, поддерживая Арану, смиряясь с болью в спине от неудобной позы.

Вскоре отец и его спутники ушли, оставив Бьярки одного с раненым иноземцем, без припасов и оружия. С тревогой юноша оглянулся на чёрный провал грота и прислушался не слышно ли рычания и диких воплей гибридов. Но пока было тихо.

«Отец спас меня... Если бы не он, убили бы и меня и Арану. Но неужели меня теперь изгонят? О, Один, что же я натворил? Вот тебе и посидеть в темноте...»

– Это были твои соплеменники? – тихо спросил Арана.

– Мой отец. Они хотели, чтобы я убил тебя, но я отказался и через три дня меня ждут на суд, чтобы изгнать, – последнее слово Бьярки выговорил с трудом, от волнения у него начали дрожать руки и срывать голос. Только сейчас он в полной мере начал осознавать, что произошло.

– Мне очень жаль, – дракт провел пальцами по подбородку. – Если я могу тебе помочь на суде, то готов идти с тобой.

Бьярки покачал головой. – Появляться в Хладгейте тебе не стоит. А сейчас нам надо уходить, мы слишком рискуем, долго находясь у грота.

– Но куда мы пойдем? – дракт посмотрел на влажную повязку на ноге. – И как? Границу я с такой ногой не перейду.

– Да, и нас поймают и казнят на месте. Мой друг рассказывал, что недалеко от грота есть дом людей, которые уходят из города, чтобы служить их Богу. Мы попробуем обратиться к ним. Я сделаю тебе костыли и помогу добраться.

– А они не нападут на нас? – Арана выразил свое сомнение проведя пальцами у правого виска.

– Если верить моему другу они очень миролюбивые. Но узнать мы это сможем, только проверив на собственной шкуре.

Бьярки быстро сладил Аране костыли из ясеня и дракт поковылял на восток, где северянин надеялся найти дом милосердных людей. Заплечный мешок иноземца юноша забрал себе.

К счастью, от дороги что вела к Хладгейту, на восток уходила еще одна узкая, едва заметная тропка. Бьярки поблагодарил Одина за то, что есть хотя бы такой путь, иначе дракт увяз бы в папоротнике и высокой траве.

– А почему дракты не берут оружие в ладони? – задал Бьярки давно мучавший его вопрос.

– Когда великий пророк Дарада принес драктам весть о тысяче и одном боге, он дал заповедь: и да не коснётся ладонь твоя рукояти оружия никакого. С тех пор мы крепим оружие на предплечье и сжимаем кулаки, чтобы случайно не коснуться рукояти оружия во время боя.

– И что, никто не нарушает этот запрет? – Бьярки был искренне поражен истинной причиной такого ношения оружия.

– Бывает, что во время боя приходится воспользоваться оружием врага. Но тогда дракт должен год выполнять аскезу во славу своего покровителя.

– У каждого есть свой покровитель?

– Когда дракт проживет шестнадцать циклов небесного светила, он должен выбрать одного из Тысячи богов, чтобы служить ему делом и молитвой. Сменить покровителя нельзя, а потому с богом мы выбираем и свое занятие на всю жизнь.

– Это жестоко, – покачал головой Бьярки. – А вдруг ты раздумаешь быть ученым и вновь захочешь стать воином? Или кузнецом.

– Поэтому выбор нужно делать осмотрительно, – Арана коснулся левого века. – К сожалению, обычно к выбору покровителя готовят родители с детства и многие из нас потом страдают от этого выбора. Мне в этом плане повезло.

Через полчаса пути дракт попросил привал. Они расположились под сенью очень редкого в Нургарде дерева – дуба. Когда Арана сел в его корнях, то первым делом поднял с земли упавшую ветку, отломал кусочек и закинул в заплечный мешок, который Бьярки едва успел скинуть рядом.

– Зачем тебе этот мусор? – удивился юноша.

Арана достал свои четки. Сейчас Бьярки мог рассмотреть их получше: каждая её бусина была сделана из разного дерева, так одна была из зеленой древесины с темными, почти черными полосами.

– Я собираю образцы деревьев со всего мира, а потом вырезаю из них бусины для четок. Это послушание я выбрал себе сам, чтобы познать разные породы деревьев во славу Анеши.

– Странные у вас боги все-таки, – Бьярки плюхнулся рядом с драктом. – Есть хочется...

– У меня есть листья корогочата, на ваш язык это можно перевести как водяной шар.

– А это съедобно? – с опаской спросил Бьярки.

– Организмы разумных рас не так уж и сильно отличаются, – Арана достал из заплечного мешка сверток, который Бьярки в подземелье не заметил. – Что намекает нам о возможном общем происхождении.

Бьярки рассмеялся. – Ну и странные у вас представления. Кровь разная, способности разные, у адронов вон уши веками прикрыты. А ты говоришь общее происхождение!

– Наши особенности обусловлены миром, где мы проживали до Великого похищения.

– Ой, – махнул рукой Бьярки. – Хватит морочить мне голову. Дай лучше попробовать.

Арана развернул ткань и протянул северянину несколько толстых мясистых листьев сизого цвета.

Бьярки скривился, но принял листья. Кожица у них была твердая, но продавливалась пальцами и пружинила, внутри была упругая и сочная мякоть.

Арана откусил кусок вместе с кожей. Бьярки повторил за ним. Кожица показалась юноше горьковатой, а мякоть безвкусной, но выбора не было и Бьярки съел все, что дал дракт, правда особого насыщения северянин так и не почувствовал.

– Так себе, – поморщился юноша.

– Очень сочный и вкусный, – Арана провел пальцами по лбу. – А самое главное, короготач утоляет не только голод, но и жажду.

– Все-таки мы более разные, чем ты думаешь, – вздохнул Бьярки.

Они посидели так около часа, а потом юноша помог Аране подняться, и они продолжили путь.

– Скалли, помоги мне со стиркой, – крикнула Рэв дочери. Светловолосая девушка с первых лучей рассвета уже была на ногах и носилась от окна к окну, дожидаясь возвращения отца и брата.

– Попозже! – крикнула Скалли. Она уже надела длинную рубаху и темно-коричневый сарафан, который украсила бронзовой застёжкой с головой медведя.

– Сейчас же! – Рэв добавила в голос стальных ноток.

– Мама, отец и Бьярки вернутся с минуты на минуту. Стирка подождет! – Скалли натянула карминовые сапоги из мягкой кожи и подбежала к входной двери.

– Вернись немедленно! – возмущению матери не было предела.

– Не могу! – выкрикнула в ответ Скалли и выбежала из дома.

Девушка сама не заметила, как ноги донесли её до ворот. Скалли нетерпеливо кусала губы и вертела головой, пытаясь высмотреть в потоке прибывающих в город людей своих родных.

Наконец она заметила хмурого отца. Выражение его лица сразу заставило девушку насторожиться. *«Неужели что-то случилось с Бьярки?»* – испугалась Скалли. – *«Он же говорил там все просто».*

Протолкнувшись через толпу торговцев из Эмпориополя она подошла к отцу. Рядом с ним шел жрец Вигго Ларссон и что-то с жаром объяснял.

– Отец, где Бьярки?! – спросила Скалли. Внутри нее все сжалось.

Отец угрюмо посмотрел на нее. – Бьярки предал наш род. Он решил спасти раненного фибрата, вместо того чтобы достойно пройти испытание.

– Этого не может быть... – Скалли ошарашенно остановилась. – А где он сейчас?

– Остался с раненым серокожим у грота Предвестников. Не знаю, как он собирается с ним таскаться.

Скалли выдохнула, она боялась страшного.

– А когда он вернется?

Отец скривил губы. – Я дал ему три дня чтобы явиться на тинг. Если он не придет, я прокляну его.

Скалли вздрогнула. – А для чего тинг?

– Я хочу изгнать его.

Девушка побледнела. – Но... отец, это слишком суровое наказание...

– Суровое?! – лицо Хлэдвир налилось кровью. – Радуйся, что я не прикончил его на месте!

В гнев Хлэдвир оттолкнул Вигго, который полез ему что-то сказать и упрямо направился сквозь толпу вперед.

Скалли тихонько отбрела в сторону с дороги, пропуская повозку торговцев. Она не понимала, как брат мог так поступить. Провалить испытание ради раненного дракта? Это было на него очень непохоже. Скалли очень хотелось самой во всем разобраться, прежде чем делать опрометчивые выводы. А еще она отчаянно хотела помочь брату.

– Надо найти Марка, – решила девушка. – Может он сможет что-то объяснить.

Ноги Скалли стремительно отнесли её на Акву, к дому Марка. На её стук распахнулась шторка окна, а потом дверь открыла Лаура.

– Привет, Скалли, – девочка заулыбалась. – Ты такая красивая!

– Ого, ты помнишь, как меня зовут, – удивилась северянка. Пару раз она бывала в доме Марка вместе с Бьярки, но это было достаточно давно и недолго.

– Марк часто о тебе говорит, – Лаура хлопала ресницами.

Скалли засмеялась. – Вот как. А он дома?

– Сейчас позову, а ты заходи, – важно сказала девочка и убежала вглубь дома.

Скалли зашла следом и остановилась напротив гобелена, рассматривая великолепную вышивку.

Марк быстрым шагом влетел в комнату – Скалли! – обрадовался юноша. – Да благословит тебя Господь!

– Будь здоров, Марк, – девушка вежливо кивнула. – Бьярки попал в беду.

Марк шумно выдохнул. – Ох, чувствовало мое сердце, что с ним что-то произойдёт на этом испытании. И мои молитвы ему не помогли.

– Он умудрился найти раненного дракта и решил помочь ему и провалил испытание. Отец хочет изгнать его.

Марк потер подбородок. – Если изгонит, моя семья сможет приютить его.

– Ты не понимаешь, Марк! – Скалли поджала губы. – По традициям Лейпта его может убить любой встречный и убийцу даже судить за это не будут. И он не сможет общаться ни с кем из родных!

– Суровое наказание, – Марк поправил кудри. – Но что мы можем сделать для него?

Скалли улыбнулась. – Вот с этого и надо было начинать. Я хочу помочь ему. Найти его. Он сейчас где-то в лесу, с непонятным серокожим, у которого неизвестная рана. Что мой брат понимает в лечении? Да и если через три дня он не вернется, то отец не только изгонит его, но и проклянет!

Марк вздохнул. – Но где его искать? Вряд ли он останется сидеть у грота.

– А куда он может пойти с раненым на руках?

Марк задумался. – Неподалеку есть монастырь. Я рассказывал о нем Бьярки. Если, где и искать помощи, то только там.

– Будем надеяться, что он вспомнит твои слова и пойдет туда. Собирайся, пойдем его искать.

Марк замялся. – У меня учеба...

Скалли сжала губы. – Не вздумай даже! Твой друг в беде. Если ты ему не поможешь...

Марк склонил голову. – Ладно, ладно. Дай мне только предупредить профессора.

– Давай бегом, через час жду тебя у ворот. Я пока сбегая на холм Ард.

Марк кивнул, а потом спохватился. – А зачем тебе туда?

– Нам наверняка понадобится врач. На Ард живет мой друг, ученик врача. Я попрошу его поехать с нами. Только не говори родителям и Бьярки, что я дружу с мужчиной, для них это твой друг.

– А, друг, – пробормотал Марк, подчеркнув последнее слово. – Хорошо.

Скалли нашла своего друга на рынке на самой вершине Ард. Будущий врач активно торговался с плотным человеком в тюрбане, который торговал травами.

Асад ибн-Халим был высоким юношей со смуглой кожей, копной иссиня-черных волнистых волос, с ореховыми глазами, в которых всегда сияли искорки смеха. Но больше всего Асад запомнился обаятельной улыбкой, демонстрирующей его белоснежно-белые зубы. Одет юноша был в тонкую белую рубашу с длинными рукавами, широкие шаровары, а поверх этого в коричневый с золотым халат, полы которого сейчас были распахнуты, пояс с искусной вышивкой ученик врача держал в руке.

Скалли подбежала к другу, тот заметил её и вновь широко улыбнулся. Девушка на секунду замерла, а потом вспомнила и хлопнув себя по лбу. – Здравья и счастье тебе, Асад! – Скалли иногда забывала, что вера Асада запрещала его первым приветствовать многобожника.

– И тебе, Скалли, – ученик врача чуть наклонил голову.

Бьярки и Арана продолжали медленно-медленно двигаться на восток. Северянин постоянно сверялся с солнцем, стараясь придерживаться одного направления. Направление – это было все, что у них есть. Бьярки даже сомневался туда ли они идут. Но выбор был невелик.

Дорога, по которой они шли, практически исчезла, превратившись в едва заметную узкую тропку.

Арана расспрашивал Бьярки о жизни в Хладгейте, об особенностях быта людей. Северянин неохотно рассказывал, периодически вновь сомневаясь: уж не шпион ли дракт?

Но Арану интересовали настолько мелкие и незначительные вещи, вроде того, как люди принимают пищу, что Бьярки немного расслабился и отвечал уже с меньшими сомнениями. Дракта искренне поразило, что люди используют для еды столовые приборы.

– Думаю это связано с тем, что ваши руки нечисты, так как вы берете в руки оружие. Мы же чувствуем еду своей кожей и пальцами.

Бьярки засмеялся. – Но вы все равно руки мойте, а то мало ли...

Их болтовню прервал рев. Бьярки приходилось слышать о редких чудовищах, которые жили в Звёздноелье. Северяне называли их детьми Мирового змея Ёрмунганда.

– Что это? – Арана провел тремя пальцами по правой щеке. В его голосе слышалось что-то, отдаленно напоминающее страх.

– Чудовища, – спокойно ответил Бьярки. – И лучше нам с ними не встречаться.

Дальше они старались идти тихо, не разговаривали и следили, как бы не наступить на сухую ветку. Но Арана не мог двигаться тихо, он напряженно сопел от усталости и периодически неловко стучал костью о камни и деревья.

Эти звуки или их запах привлекли чудовищ. Из-за поворота выскочило огромное существо, напоминающее гигантскую двуногую ящерицу, хвост которой был толщиной с молодой дуб. Высотой этот ящер был в три Бьярки, а его пасть была полна острых зубов.

Бьярки почувствовал, как его охватил настоящий ужас. Хотелось бросить все и бежать без оглядки, пока монстр поедает бы Арану. – Похоже сам дракон Фафнир к нам пожаловал, – пробормотал юноша.

Но северянин смог взять себя в руки и оглянулся в поисках возможности спрятаться. Но кроме леса и подлеска из папоротника на роль убежища ничего не подходило. Не было даже больших камней, за которыми можно было бы укрываться от атак чудовища. Не было и оружия, хотя Бьярки сильно сомневался, что оно сейчас ему бы помогло.

Арана отбросил кость. Умирать он собирался на своих двоих.

Ящер вновь заревел и начал шагать к ним. Каждый шаг отзывался дрожью в земле.

– Беги, Бьярки, – прошептал Арана.

– Я не побегу, – Бьярки крепко сжал острый камень в кулаке. – И пусть в руках моих не меч, я умру с оружием в руках и валькирии заберут меня в Вальхаллу!

У Бьярки успела мелькнуть мысль, что для Араны такие слова будут непонятны, так как у них было принято не брать оружие в руки, но все мысли тут же покинули юношу, когда ящер

оказался перед ним на расстоянии пары шагов. Чудовище открыло пасть и вновь заревело, обдав их гнилостным запахом из пасти.

Бьярки крепче сжал камень, готовясь прыгнуть на голову ящера, когда он приблизит свою оскаленную пасть, чтобы сожрать его. Он уже нацелился на янтарный глаз с узким змеиным зрачком, когда кусты зашевелились и из леса вышло несколько человек в черных рясах и небольших круглых шапочках того же цвета. Трое из них были достаточно молоды и щеголяли темными коротко стриженными бородами. А вот впереди них шел мужчина почтенного возраста с длинной седой бородой. Поверх рясы у него был черный четырехугольный лоскут ткани, на котором белыми нитками были вышиты восьмиконечные кресты. Голову и плечи прикрывал остроконечный капюшон, тоже украшенный крестами. Эти кресты не были похожи на те, которые использовали на Аква, они больше напоминали навершия храмов на холме Древо, обитатели которого очень напоминали людей в черных рясах внешне.

– Стой, змий! – крикнул седобородый.

Ящер, который уже собирался накинуться на дракта и северянина, мгновенно обернулся и тут же засеменил к седобородому. Бьярки сжался, понимая, что сейчас будет свидетелем кровавого побоища, но монстр, достигнув незнакомцев, просто присел и наклонил голову к земле.

Седобородый погладил чудовище по чешуйчатой голове, а потом жестом подозвал Арану и Бьярки к себе.

Пораженный происходящим, Бьярки подал костыль Аране и помог ему добраться до странных людей и покорного им ящера.

С опаской покосившись на громадное чудовище, мирно прикрывшего глаза и сидящего около людей, Бьярки чуть склонил голову.

– Здоровья и счастья вам, – поздоровался Бьярки. – Благодарю за помощь.

– И ты здрав будь, многобожник, и ты, последователь тысячи и одного бога, – ответил им один из молодых незнакомцев, с красивым носом с горбинкой и темными глазами.

– Он же вас уж сколько раз ревом предупреждал, а вы все шли да шли, – покачал головой седобородый, похлопывая ящера по морде. Тот приоткрыл глаза, покосился на Бьярки и снова зажмурился.

– Отец Уриил – великий подвижник, – шепотом ответил второй спутник седобородого, с рыжинкой в бороде. – Он один не боится этих змиев, а этого навещает с молодого возраста, с тех пор как его мать утонула в болоте.

– Он меня хорошо знает, – седобородый улыбнулся. – Уж сколько монастырских коровок он благодаря мне съел и не счесть.

– Ну у вас и питомцы, – выдохнул Бьярки.

– А чего твой спутник молчит? – спросил седобородый отец Уриил.

– Он знает только латынь. На дженералисе не говорит.

– Латинянин что ли? – засмеялся четвертый незнакомец, с редкими усиками и едва заметной бородкой. Он был совсем юным, не старше Бьярки.

Северянин не понял ни новое для него слово, ни шутки и только пожал плечами. – Он дракт.

– Да уж видим, – ответил тот, у которого нос был с горбинкой. – Как в наши края попали, вы оба?

– Ранен серокожий, не видишь, что ли, Георгий? – перебил отец Уриил своего спутника. – За помощью они пришли.

– Да, – кивнул Бьярки удивляясь проницательности старика.

– Соорудите носилки, – распорядился отец Уриил. – Тебе помогут, – обратился он к дракту на латыни.

Иноземец поблагодарил.

Ящер поднялся на ноги и зашелестев верхушками деревьев вновь скрылся в лесу.

– Большой очень вымахал, – покачал головой старик. – Скорее всего скоро охотникам попадется.

– А что вообще это за чуд... ящер? – спросил Бьярки.

– Мы думаем, – отец Уриил пригладил бороду, – что Предвестники принесли их в этот мир до нас. А существовали они еще до Потопа.

– Потоп? – удивился Бьярки.

Седобородый прищурился, рассматривая Бьярки. В его руках юноша заметил четки, которые отец Уриил то и дело сдвигал. – Ты же северянин?

– Да.

– Судя по твоему амулету – многобожник?

– Мы поклоняемся многим богам, да.

– Тогда вы это называете кровью великана Имира, которая затопила весь мир. И вот таких вот существ она тоже затопила.

Теперь Бьярки все понял и тут же почувствовал уважение к старику. Марк, который поклонялся тому же доброму Богу, что и эти люди, ничего не знал о вере Бьярки.

Подошел Георгий со спутниками. В руках они держали носилки, сделанные из веток и веревок.

– Ваше послушание на сегодня – доставить дракта в монастырь в целости и невредимости, – объявил отец Уриил.

Бьярки вызвался им помочь, но люди в черных рясах вежливо отклонили его предложение и сами взяли за носилки. Дракт был нелегким и Бьярки мог только посочувствовать им.

– Расскажи мне, как угораздило тебя оказаться здесь с раненым драктом, которого ты не только не пытался убить, но и даже помог. – Отец Уриил с хитринкой посмотрел на северянина.

Бьярки честно рассказал всю историю.

Отец Уриил нахмурился, услышав про гибридов в гроте. – Некоторые, даже среди монахов, считают Предвестников ангелами, которые унесли нас с грешной Земли, чтобы мы могли начать новую жизнь. Но я давно уверен, что намерения у них были недобрые. И твои рассказы только подтверждают это.

«Монахи», – повторил про себя Бьярки, запоминая слово. Оно показалось ему знакомым, словно юноша слышал его от сказителей саг.

– И теперь в лесу может бродить с десятков голодных выроdkов, если они только друг друга сами не перебили, но в таком случае они могли освободить и другие бочки.

– Все это звучит тревожно, – отец Уриил хмуро посмотрел на небо. – Надо будет сообщить отцу настоятелю об этом.

– Я тоже хочу кое-что спросить, – Бьярки впервые за долгое время прямо-таки беспокоил один вопрос.

Старый монах кивнул.

– Почему вы согласны помочь дракту? Мой отец и старейшина просто горели желанием убить его.

– Потому что все вокруг сотворил Господь. И других разумных созданий тоже. А потому дракты, никили и адроны наши братья. И мы должны заботиться о них так же, как и о друг друге. Ты замечал, как все разумные создания похожи друг на друга? Ни собаки, ни лошади, которые пришли в этот мир вместе с нами, не похожи так, как похожи те, кто пришел с других миров. И мы, и другие разумные творения созданы по образу и подобию Божию.

Впереди показались высокие и толстые, слегка покатые стены монастыря, сложенные из камня и выбеленные известью. По краям высились башенки, крытые бурой черепицей, а мощные ворота были распахнуты, из монастыря в сторону Эмпирополя выезжали телеги, груженные овощами на продажу.

– Добро пожаловать в нашу обитель, северянин. Таких на весь мир всего две, и очень немногие обитатели Звёзднолесья могли похвастаться, что бывали в этих стенах.

Скрип дверных роликов заставил Минэко вздрогнуть. Девушка готовилась ускользнуть из дома на обещанную встречу с Бьярки, и в такие моменты она всегда была встревожена. Если бы отец узнал, что она тайно встречается не просто с мужчиной, а еще и с чужаком с другого холма – несдобровать было ни ей, ни Бьярки.

Дверь отъехала в сторону и в её комнату зашла служанка Онако. Сегодня она была в светло-голубом кимоно с рисунком белых нежных цветов яблони. У Онако был маленький рот и необычные для обитателей Хи глаза – светло-серые, настолько светлые, что казались бесцветными при ярком свете. Поговаривали, что мать Онако изменяла своему мужу с кем-то с других холмов. Когда Минэко видела свою служанку, она всегда вспоминала этот слух и иногда представляла, как отец заставит её выйти замуж, а потом она родит мальчика со светлым пушком на голове и небесно-голубым взглядом и все поймут, что любит она на самом деле Бьярки с холма Лейпт.

– Госпожа Минэко, к вам господин Марк с холма Аква, – Онако поклонилась. – Он просил вашей аудиенции у вашего отца, он разрешил.

Минэко вскочила и её чрезмерную реакцию не могла не заметить Онако, которая едва заметно подняла брови.

Девушка выдохнула и степенным тоном сказала служанке: – Зови.

Долгие мгновения, что Онако ходила за Марком прошли для Минэко в объятиях тревоги и страха. Марк был и оставался единственным человеком, который знал, что Бьярки и Минэко были равнодушны друг к другу. И если он здесь, в этом доме, рискует просить её аудиенции напрямую у отца, это означало только одно: с Бьярки что-то случилось.

Марк зашел в комнату вслед за Онако. Он разулся, как и подобает в домах Хи, и поклонился, отдавая дань обычаям их холма.

Минэко немного успокоилась, лицо Марка было хоть и встревоженным, но совсем не скорбным.

– Для чего вы хотели меня видеть, господин Марк?

– Высшая школа Хладгейта очень бы хотела обучать девушку с Хи в своих стенах. Они послали меня, чтобы сделать вам это предложение.

Минэко перевела взгляд на служанку. – Онако, оставь нас.

Служанка стрельнула глазами вбок и поклонилась, оставив их наедине.

– Что с Бьярки? – прошептала Минэко, убедившись, что дверь закрыта.

Марк рассказал все, что услышал от Скалли и что они решили сделать, чтобы найти его. – Я решил рассказать тебе об этом, чтобы ты не сошла с ума пока ждешь его. А он может и не вернуться.

Минэко ахнула. – Тогда я пойду с вами! – тоном, не терпящим возражений сказала девушка.

Марк взъерошил кудри. – Минэко... Твой импульс понятен, но отец не позволит тебе. Мы поедем туда втроем и если Бьярки и правда в монастыре, то найдем его. Обещаю.

Минэко вздохнула. – Да, ты прав, Марк. Благодарю тебя за вести.

Марк неловко почесал нос. – Надеюсь в следующий раз они будут более радостными.

Юноша покинул комнату Минэко, а та с отрешенным видом подошла к окну. Отсюда открывался прекрасный вид на Хи, с его узкими извилистыми улочками, красными мостиками над рытвинами и каналами, с вишневыми деревьями и небольшими ухоженными садиками. Взгляд девушки нашел небольшую хижину с двориком на самом краю Хи, у северо-западной оконечности холма, где была небольшая возвышенность. К домику вели каменные ступени, вкопанные в землю.

Дверные ролики вновь скрипнули. Это вернулась Онако.

– Я пойду к госпоже Каори. Пусть отец не теряет меня.

Онако кивнула. Сегодня для служанки был день, который максимально выбивался из привычного распорядка. – Господин Йошу спросит, зачем приходил господин Марк, – служанка говорила очень тихо, но с нескрываемым интересом.

– Ты слышала зачем он приходил. Скажи я отказалась от поступления в Высшую школу Хладгейта, так как это непозволительно представительнице уважаемой семьи Идзуми.

Онако разочаровано поклонилась и ушла. Минэко открыла тайную нишу в полу. Там лежали вещи, которые она скрывала от всех, в том числе и от Бьярки. Это было то, что подарила ей госпожа Каори, и сейчас они были завернуты в черный кусок ткани с розовыми цветами. Края были закручены искусным способом, превращая простой квадратный кусок ткани в настоящую сумку.

Минэко выскользнула из дома и ноги понесли её по привычному, много раз искоженному маршруту. Для её отца госпожа Каори была всего лишь эксцентричной старушонкой, учительницей Минэко по этикету. Для очень многих девушек Хи она такой и была. Но некоторым открывалась истинное лицо госпожи Каори и это меняло жизнь девушек навсегда.

Среди истинных учениц Каори было мало аристократок, в основном дочери рыбаков и крестьян. Немного дочерей ремесленников и две-три аристократки. Среди них и Минэко.

Девушка без всяких затруднений преодолела лестницу из вкопанных камней и вскоре стояла перед раздвижными дверями домика.

Минэко знала, что подойти незамеченной к домику Каори было невозможно. Поэтому, когда дверь отъехала в сторону прямо перед её лицом, девушка ни капли не удивилась.

На пороге появилась госпожа Каори. Это была сухонькая старушка, с собранными в пучок седыми волосами, закрепленными заколкой. Минэко знала, что этой заколкой госпожа Каори могла убить десяток мужчин и еще столько же – веером, который держала в левой руке. Каори часто называла себя последней куноити холма Хи, и во много это было правдой, хоть она и выучила немало учениц. Время междоусобных войн в Звёздное сёе давно закончилось и кроме госпожи Каори никому из женщин Хи не приходилось применять навыки куноити, чтобы убить врага.

– Зачем ты здесь, Минэко? – лицо Каори оставалось полностью безэмоциональным, даже глаза не выдавали её интереса.

– Можно пройти в дом, госпожа?

Каори сделала шаг в сторону, приглашая девушку войти. Они расположились на циновках и Минэко рассказала о ситуации с Бьярки и о своем желании покинуть дом отца и отправиться на поиски. – Мне надоело быть пленницей собственного дома. Разве такова жизнь куноити? – закончила девушка свой рассказ.

Госпожа Каори взяла руку Минэко. Девушка вздрогнула, когда морщинистые сухие пальчики старушки коснулись её кожи.

– Ты хочешь покинуть дом, потому что желаешь помочь возлюбленному? Или это бунт против опеки отца?

Минэко поняла, что сделала слишком сильный акцент на последних словах. – Конечно я хочу найти Бьярки. Просто и остальное...

– Если ты хочешь найти северянина, то я дам тебе это задание как настоящей куноити. Но если это всего лишь бунт, то запомни: истинная сила куноити в её терпении. Если ты не можешь смирять себя в доме отца, то не сможешь и в логове врага.

– Моя цель – помочь Бьярки, – сказала девушка и поняла, что солгала. Она безусловно тосковала и переживала за него, но гораздо сильнее ей опостылел контроль отца и казавшееся вечным заточение в доме, из которого ей редко позволяли выйти погулять дальше холма Хи.

Госпожа Каори, казалось, ничего не заметила. – Надень мужскую одежду. Я разрешаю взять заколку для волос и кольцо. И один пузырек яда. Постарайся никого не убивать, если будет возможно.

– Да, госпожа, – Минэко склонилась в глубоком поклоне, пряча улыбку.

Она выйдет с холма! Она выйдет из Хладгейта! Она уже два года не видела мир за пределами городских ворот! Девушка не могла поверить собственному счастью.

– Когда ты вернешься, тебя ждет гнев отца, – госпожа Каори поджала губы, от нее не укрылась радость ученицы. – Тебя даже могут лишить наследства за такой проступок.

Минэко кивнула. Она уже не первый раз обдумывала побег из дома отца и прекрасно осознавала все последствия. Но все же, в глубине души, она надеялась, что несмотря на все традиции, отец будет милосерден к ней.

Каори сложила пальцы вместе. – Свою поклажу с оружием тебе лучше оставить у меня. И помни я разрешаю тебе использовать только заколку и кольцо. Куноити должна быть готова использовать ограниченный арсенал.

Минэко надела кольцо, на котором была потайная кнопка, выбрасывающая шип с ядом, собрала волосы в пучок и закрепила заколкой в виде спицы. Госпожа Каори еще раз напомнила ей о болевых точках, удары в которые непременно обезвредят противника.

– Спасибо за вашу помощь, госпожа Каори, – Минэко поклонилась.

– Если ты вернешься живой, я буду очень довольна, Минэко. Если погибнешь – опозоришь весь мой труд.

– Я не опозорю вас, госпожа Каори.

Асад выслушал рассказ Скалли и задумался, потирая щетину. – Не думаю, что я смогу вылечить дракта, я еще и человеческие особенности организма не до конца познал.

– Но ты хотя бы сможешь зашить рану и правильно наложить повязку, – Скалли смотрела на ученика врача жалобным взглядом больших голубых глаз, а её губы словно шептали «Помоги!»

– Не оставь в беде, милый Асад, прошу!

Асад громко засмеялся. – Разве может мужчина отказать, когда девушка так просит! Хорошо, гурия, веди!

– Может возьмешь свою сумку со снадобьями и инструментами? Думаю, она тебе пригодится.

Асад вновь захохотал. – Мне кажется, рядом с тобой я научусь исцелять прикосновением! Но ты права, сумку нужно взять. Да простит меня Аллах за мою торопливость и невнимательность.

Скалли дождалась своего друга у подножия холма, и они вместе направились к воротам. Там их уже ждал Марк, который нервно переминался с ноги на ногу.

Скалли познакомила Марка и Асада, и они уже готовились покинуть город, когда вслед им донесся женский голос: – Подождите!

Скалли резко обернулась. К ним бежала девушка в мужской рубаше и брюках, поверх которых развевался серый плащ, по внешнему виду она очень напоминала жительницу Хи.

– Кто это? – недоуменно спросила Скалли.

– О, нет, – выдохнул Марк. – Это Минэко! Эээ... подруга Бьярки.

Скалли скрестила руки на груди. – Подруга? – девушка слегка прищурила глаза. – И я её не знаю? Понятно...

Минэко подбежала к ним и уперлась руками в бедра, пытаясь отдышаться. – Я пойду с вами! – безапелляционно заявила она, сделав несколько больших вдохов и выдохов.

Все трое удивленно переглянулись.

Бьярки вслед за носилками прошел сквозь ворота. Проход охраняли двое монахов в черных рясах, поверх которых они надели кольчужные рубашки, в руках у них были копья.

– Я думал, служители вашей веры не берут оружия в руки, – заметил Бьярки, оглядываясь на отца Уриила.

– Эти монахи благословлены на защиту монастыря. Разбойники и дикие звери вынуждают нас сражаться, но если у нас будет возможность не пускать оружие в ход, то мы, конечно же, предпочтем мирное решение.

– Разумно, но несколько трусливо, – пожал плечами Бьярки.

– Это в тебе говорит кровожадная вера северян, – покачал головой седобородый.

Арану отнесли в отдельно стоящее здание, где, как пояснил Бьярки Георгий, была монастырская лечебница.

Самого же Бьярки седобородый проводил на кухню, где изумленному северянину выдали тарелку каши и ломоть хлеба.

Уриил сел напротив и начал рассказывать про монастырь, быстро превратив свой рассказ во вдохновенную проповедь. Бьярки внимательно слушал, вначале из-за чувства благодарности, а затем уже всерьез заинтересовавшись словами монаха. Уриил рассказывал иначе, чем Марк. Друг часто злился, если Бьярки его не понимал, резко высказывался о богах северян. Монах же говорил спокойно, часто приводил примеры из веры Лейпта, уважительно пересказывая истории скальдов. Бьярки даже почувствовал укол зависти, когда осознал, что Уриил знает о богах северян даже больше самого юноши. Уриил говорил просто и от этого каждое слово доходило прямо до сердца Бьярки.

Уплетая кашу, и слушая медленную речь отца Уриила, изумленный северянин не мог не подивиться милосердию людей, верящих в доброго Бога. Юноша, который и раньше удивлялся рассказам Марка о Иисусе, теперь крепко задумался, увидев все на деле. И то, что раньше ему казалось слабостью, начало открываться ему с новых граней.

«Требуется большое мужество, чтобы не кинуться на врага, а помочь ему», – мелькнула у северянина неожиданная мысль. Бьярки встряхнул головой. «Это просто из-за поступка отца. Во мне говорит обида. Конечно же, я последователь Одина и других наших северных богов. Богов силы и храбрости. Они помогут попасть мне в Вальхаллу. Один поможет. Один...»

Внезапно, имя Всеотца заставило Бьярки вспомнить разговор с Минэко, то, как он обещал думать на испытании о ней вместо Одина. Но во всей этой кутерьме он совершенно забыл о данном обещании.

Жгучее чувство вины захлестнуло юношу. Он чувствовал себя настоящим предателем, который пренебрег чувствами, которые он и Минэко вынашивали друг к другу уже больше двух зим.

«Как же я мог забыть о тебе, Минэко?» – этот вопрос не давал Бьярки покоя.

Юноше было бы еще тяжелее, знай он, что его возлюбленная пробирается сейчас через лес, чтобы помочь ему выбраться из передрыги, в которую он сам себя и загнал.

Минэко и её спутники шли к монастырю кратчайшим путем, не подозревая что перед ними расположился лагерь темнокожий Зуберу и его головорезы, которые вынашивали планы захвата монастыря. Ими двигала далеко не месть Бьярки или Аране, их интересовала вещица, которую дракт незаметно для юноши забрал, когда они спешно покидали грот. Творение Предвестников, без которого Зуберу не мог вернуться к своему командиру. И пока монахи прочищали и зашивали его рану, Арана крепко сжимал что-то в руке.

Глава III. Загадка монастыря

Теплый луч солнца нежно коснулся век юноши. Бьярки сладко потянулся и с трудом разлепил глаза. Солнце попадало в комнату из маленького квадратного оконца в выбеленной кирпичной стене. Как объяснили Бьярки, это была особая гостевая келья, единственная в монастыре, которая обладала пусть и маленьким, но полноценным окном, а не была похожа на пещеру.

Северянин потянулся на туго набитом соломенном тюфяке. Бьярки, пока его голова не коснулась мягкой поверхности, и не представлял насколько устал за последние сутки. В монастыре было как-то необыкновенно тихо и спокойно, и он проспал вечер и всю ночь.

Хотелось есть, поэтому Бьярки свесил ноги с кровати и неспеша встал. Монахи забрали его тунику, чтобы постирать, поэтому Бьярки натянул свои штаны и накинул сверху плащ, пряча голый торс.

За окном промелькнули тени. Несмотря на раннее утро, обитатели монастыря давно встали и спешили к местному храму, с золоченым куполом и крестом на верхушке. Юноше неожиданно тоже захотелось помолиться, но возносить похвалу Едину в таком месте ему показалось неуместным и Бьярки сдержался.

Арана все еще был в лечебном корпусе, и Бьярки решил его проведать. Он пошел по узкой дорожке, выложенной гравием, она петляла среди ухоженных и тщательно прополотых от сорняков травяных насаждений. Темно-зеленные аккуратно подстриженные кустики с завязями будущих ягод сопровождали юношу на протяжении всего пути к лечебнице.

Внутри низкого приземистого деревянного здания было чисто и тихо. На твердом тюфяке лежал Арана, прикрытый накрахмаленной простыней. Он был совсем один, все монахи ушли в храм.

– Сможешь встать? – в шутку спросил Бьярки, присаживаясь на край кровати.

Дракт положил два пальца на лоб и два на правый висок. – Милостивая Анеша, ты издеваешься?

Бьярки рассмеялся. – А если эмоций будет не две, а три, как будешь показывать, руки то две?

– Твоей воспользуюсь, – Арана положил пальцы на нос, выражая смех.

– Так понимаю, если я откажусь, ты её просто оторвешь?

Арана кивнул.

Бьярки хлопнул дракта по плечу и поднял простыню, посмотреть ногу. Монахи наложили поверх шва чистую льняную повязку, несколько темных пятнышек на ней выдавало место ранения.

– Долго заживать будет.

– Зато теперь точно заживет, – Арана почесал широкую, мощную шею и шумно вздохнул своим огромным носом. – Местные аскеты, служащие единому Богу, сказали, что ничего важного не задето. Нужно просто накладывать чистые повязки и через месяц рана затянется. Но они не знают, что у драктов все заживает быстрее, так что, думаю, через неделю смогу ходить без трости.

– А как ты их понял?

– Один говорил на латыни. Благослови Анеша моего учителя, который дал мне аскезу выучить ваш книжный язык.

Бьярки улыбнулся. – А не выучил бы, сидел бы сейчас в своей Белой пустыне. Целый и невредимый.

Дракт положил один палец на подбородок, показывая недовольство и несогласие. – Путь Анеша не даёт права сидеть на месте. Только в движении и поиске можно познать истину.

Северянин почувствовал скуку и зевнул. – Останешься здесь? Через два дня я должен быть на тинге.

– Вроде у меня не особо много выбора.

– Поправляйся, – Бьярки положил руку на плечо дракта.

– Благослови тебя твои боги, Бьярки, – иноземец коснулся руки юноши, по-человечески выражая эмоции. – Если бы не ты, я бы остался в гроте и был бы уже мертв.

– Я же мог тебя и прикончить у входа в пещеру, будь хоть немного безжалостней, – Бьярки встал. – Отдыхай и набирайся сил, серокожий, путь до границы не близок.

– Мы еще увидимся? – иноземец прикрыл левый глаз тремя пальцами.

Юноша пожал плечами. – Одному Всеотцу это известно. Если на тинге меня приговорят к изгнанию, приду в Белую пустыню.

Арана коснулся носа. – Там тебя ждет еще более жесткий прием. Не попадись фибратам на границе, они вас не любят. Особенно изображения этих зверей на телах, – Арана указал на татуировку медвежьей морды, которую он разглядел сквозь отошедшую полу плаща.

«Помнят еще моего деда, серокожие», – самодовольно подумал Бьярки, словно это он сам, а не его дед разбил фибратов в битве у Серого брода.

– Прощай, Арана. – Северянин пошел к двери.

– Доу встреча, май друк, – коверкая слова, ответил иноземец на дженералисе.

Бьярки сдвинул брови в недоумении. – Откуда? Откуда ты знаешь дженералис?

– Я попросил монахов научить меня этой фразе еще вчера, – ответил Арана на латыни.

– Понимал, что ты скоро уйдешь. А я быстро учусь новому.

– Если выучишь к нашей следующей встрече дженералис, с меня бочонок мёда, – Бьярки легко пообещал это, так как не верил, что он еще свидится с иноземцем.

– Жаль здесь нет слугителя бога клятв, чтобы засвидетельствовать твое обещание, – Арана коснулся носа.

– Поверь на слово, – Бьярки рассмеялся.

Северянин вышел на улицу и расположился на большом плоском камне. Монахи были еще в храме, а Бьярки нужно было забрать тунику, и юноша не хотел уходить, не попрощавшись.

Но тут его плечо схватили. Бьярки вздрогнул и обернулся. Над ним нависал седобородый отец Уриил.

– Вы здесь? – с неожиданной, не свойственной ему робостью, пролепетал юноша. – Я думал вы, как и все, в храме...

– Я ушел со службы из-за этого, – монах задрал рукав рясы и Бьярки увидел на его запястье устройство, напоминающее темпору Араны, только вместо движущихся светил, тут было темное зеркало, наподобие тех, что Бьярки видел в гроте Предвестников. Периодически темная поверхность вспыхивала красным светом.

– Что это?

– Сигнал опасности. Идем за мной!

Вслед за отцом Уриилом, юноша пошел к храму, позади которого был деревянный люк. Монах откинул его в сторону и Бьярки увидел тоннель в земле, стенки которого были облицованы металлом. Железные ступени с ребристыми насечками уходили в темноту.

Старик поднял с камня рядом подсвечник с горящей свечой и жестом пригласил северянина следовать за ним.

Внутри было неожиданно сухо и что-то гудело. Бьярки даже почувствовал поток свежего прохладного воздуха, который всколыхнул волосы на его голове.

Они спустились вниз, и юноша остановился в изумлении, увидев бочку, опутанную черными блестящими жгутами, похожую на ту, что была в гроте. Сквозь непрозрачное стекло было видно человекоподобную фигуру. Под низом бочки пульсировало желтое кольцо.

Бьярки почесал затылок. – У вас под храмом бочка с гибридом?

– Это не гибрид. Это Предвестник. Два с половиной столетия назад, наши предшественники выстроили храм и монастырь над местом его сна, чтобы сохранить его от мародёров. По легенде, первый настоятель лично общался с Предвестниками, и они поручили ему хранить своего собрата. И дали это устройство, сказав, что оно засветится красным, если Предвестник будет близок к пробуждению. За все время существования монастыря такого не было.

– А зачем вы рассказываете мне эту тайну?

Отец Уриил крепко схватил юношу за руку. – Я чувствую, что Господь послал тебя не просто так. И ваше появление в монастыре как-то связано с этим пробуждением. Некоторые в этом месте считают, что я обладаю даром прозорливости, я не знаю так ли это, но сейчас ощущаю – ты нужен здесь.

Бьярки пожал плечами. Он чувствовал тревогу из-за мерцающего желтого круга под бочкой, и не особо верил, что внутри Предвестник. А вот что внутри может быть кровожадный гибрид, который устроит в монастыре бойню – вполне. Бьярки успел проникнуться уважением к тихим и миролюбивым людям в черных одеяниях и не хотел, чтобы нескольких из них задрал монстр.

– Пришлите сюда людей с оружием, отец Уриил. Я же узнаю у Араны, может он что-то об этом знает. И... если в монастыре есть лишний топор или копье, я бы не отказался, чтобы защитить вас.

Седобородый монах строго посмотрел на юношу. – Я не позволю проливать кровь в монастыре. Особенно кровь Предвестника. Но братьев с оружием пришлю сюда.

– Благодарю, отец Уриил, – Бьярки сжал плечо старика. – Я бегом до Араны.

Бьярки практически летел по дорожке, гравий летел во все стороны из-под его ног. Выходившие со службы монахи с удивлением следили за несущимся к лечебнице юноше, некоторые даже побежали за ним, решив, что с Араной что-то случилось.

Но когда юноша влетел в низкое здание, то смог лишь пораженно остановиться. Кровать дракта была пуста.

Скалли приложила мех с водой ко рту. Теплая вода с железистым привкусом, которую она набрала в ручье, в полумиле отсюда, практически не утоляла жажду.

Девушка, не отрывая горлышка от губ, с благодарностью кивнула проходящему мимо Марку, который и догадался взять с собой этот мех и запас сухарей. Скалли, кровь которой горела от желания помочь брату, не удосужилась подумать о столь необходимых вещах. *«Но зато я позвала с собой Марка, который все предусмотрел. Получается, я таким образом обо всем позаботилась»*, – подумала девушка.

Марк остановился перед буреломом, который перекрывал им путь. – Скалли, давай помогу перелезть.

Девушка не преминула воспользоваться помощью рослого парня, который подал ей руку и поддержал, когда она поскользнулась на рыхлом комке земли. Когда девушка спускалась с поваленного дерева, её платье слегка задралось, и Марк увидел её исцарапанные голени.

– Почему ты не надела брюки, – покачал головой Марк. – Как ты теперь доберешься до монастыря?

Скалли закатила глаза. – Ну не начинай! Если бы я вернулась после побега из дома, чтобы переодеться в мужскую одежду, мама бы меня заперла и отлупила хорошенько. А дойду я нормально, до этого же как-то шла.

Марк замялся, но не нашел, что ответить. Хотя по его встревоженному лицу было заметно, что он реально переживает за состояние ног девушки.

– А ты, Асад, даже не подумал предложить руку девушке, – Скалли засмеялась, сверкнув ровными и здоровыми зубами, которыми гордился род Бьёрна.

Ученик врача улыбнулся в ответ. – Милостивый Аллах видит, я стараюсь не касаться женщин, если того не требует долг врача.

– Но дружить с ними тебе это не мешает, – вновь звонко рассмеялась девушка.

Асад осторожно слез со ствола, стараясь не задеть сумку со склянками. – Это мой грех, – вздохнул юноша, – и я еще понесу за него наказание.

Минэко от руки Марка отказалась и с грациозной, практически кошачьей, ловкостью запрыгнула на дерево и так же легко спрыгнула. Марк удивленно пожал плечами и кряхтя перелез через упавший ствол.

Они успели пройти несколько шагов, когда над плечом Скалли пронеслась стрела без оперения и вонзилась в упавшее дерево. Еще одна стрела воткнулась в землю у ног Асада.

На дорогу вышел огромный лысый дракт, высотой не уступающий Марку, а шириной легко соперничающий с двумя юношами одновременно. На его запястьях ремнями были закреплены два самострела, которые он сейчас заряжал. За ним следом вышел темнокожий человек с копьем, а на дерево позади них запрыгнуло двое русских бородатых головореза, определенно обитателей холма Древо и пришедшихся друг другу братьями, а скорее всего и близнецами. В руках у бородачей были топоры с короткими рукоятками, такие удобно метать во врага.

– Сложите оружия и сдавайтесь, – объявил темнокожий. – Тогда я оставлю вас в живых.

– У нас нет оружия, – ответила Скалли, с опасливостью рассматривая гигантские самострелы дракта.

– Вы путешествуете за пределами города без оружия? – удивленный головорез поджал губы. – Велизар, Велимир! – крикнул он двум бородачам. – Общитесь их.

Без особых церемоний головорезы обшарили спутников. Особенно досталось двум девушкам, Минэко едва сдержалась, чтобы не убить обоих на месте, когда то ли Велизар, то ли Велимир бесцеремонно облапал девушку. Но она помнила слова госпожи Каори про то, что настоящая куноити умеет быть сдержанной и поэтому лишь хмуро посмотрела вслед головорезам, но ничем не выдала своего недовольства.

– Оружия нет, Зуберу, – сказал один из бородачей. – Но девки знатные, я бы с ними повеселился.

– У смуглого с собой какие-то бутылки, – заметил второй.

– Кто ты, – строго спросил темнокожий, – что за склянки носишь с собой?

– Я, волей Милостивого Аллаха, ученик знаменитого врача Карима ибн-Насиха, и в моей сумке лекарства.

– Разбить? – спросил бородатый головорез у Зуберу.

– Лекарства? Пусть оставит. Жизнь по-разному повернуться может. В клетку их, к лазутчице.

Велизар и Велимир грубо связали их руки бечевкой и подтолкнули рукоятками топоров в спины. Дракт, которому не удалось пострелять, поднял одну руку, прицелился, а второй нажал кнопку на самостреле и разрядил свое оружие в упавший ствол. Следом щелкнул второй самострел.

Их заставили сойти с тропы и сквозь заросли папоротника они добрались до большой телеги, запряженной в двойку вороных лошадей. На повозке была закреплена деревянная клетка, внутри которой сидела зеленокожая никили. Иноземка дремала или изображала дремоту, закрыв глаза.

Когда бородач открыл клетку, никили приоткрыла один глаз, а затем изящно, едва заметным движением, пересела в дальний угол клетки, освобождая место для новых пленников.

Их грубо затолкали внутрь, при этом один из бородачей не удержался и шлепнул Скалли по пятой точке, когда она забиралась внутрь. Девушка промолчала, но про себя пообещала скормить внутренности головореза свиньям. Сзади щелкнул навесной замок.

Никили, обладательница длинного лица, бархатистой кожи пастельно-зелёного цвета, тонкого небольшого носа и темно-зеленых губ, с интересом рассматривала неожиданных соседей по клетке. Она чуть наклонила голову и длинные ярко-красные распущенные волосы упали на её левое плечо, переливаясь в лучах заходящего солнца. Её ярко-голубые глаза с кошачьим зрачком, настолько яркие, что казались светящимися, вскользь прошли по каждому человеку, по одной ей понятной причине задержавшись на Марке. Длинные густые темно-зеленые ресницы поднялись выше, делая взгляд Никили невинным и глуповатым одновременно. Когда юноша заметил её внимание, она обворожительно улыбнулась, обнажив абсолютно одинаковые зубы, напоминающих смесь передних резцов и острых клыков одновременно. Их нижний ряд был смещен немного вбок относительно верхнего, чтобы позволить челюсти плотно смыкаться.

Марк смущенно отвел взгляд.

Скалли обратила внимание на одежду иноземки. Это был облегающий черный корсет, довольно нескромно приподнимающий два зеленых полушария, бархатные облегающие штаны и мягкие полусапожки. Одежда не показалась Скалли практичной, но не северянке, пошедшей в лес в платье, было критиковать незнакомку.

Асад бормотал что-то по-арабски и старался не смотреть на иноземку.

Никили провела пальцем по непривычному для человеческих глаз уху, оно будто состояло из двух частей, два островерхих уголка торчала из красных волос. – И за что такая интересная компания угодила в эту клетку? – спросила иноземка. У нее был мягкий мелодичный голос и великолепное знание дженералиса. Скалли почти не заметила акцента, лишь слегка иноземка растягивала звук «н».

– А ты? – Скалли не спешила откровенничать с незнакомкой, которая вполне могла быть частью команды головорезов.

– Ммм, – протянула Никили, откидываясь спиной на прутья. – Вы наткнулись не просто на разбойников. Это часть преступной группы «Рука Предвестников», которые правда к самим звездным похитителям отношения не имеет, не считая того, что они помышляют грабежом их наследия. По поручению Первой красавицы Союза творцов я была направлена проникнуть в ряды этой группы, чтобы узнать, для чего их направили в Звёздное лесье. К сожалению, они вычислили меня, и я оказалась в клетке. Не убили и не надругались надо мной только потому, что Зуберу надеется откупиться, если на нас случайно набредет Светозарный эскадрон, который послали на мои поиски. Вот такая история. – Никили постучала пальцем по дереву клетки. – Ваша очередь.

Скалли фыркнула. – Я должна во все это поверить? Что вообще за бредовые названия? Светозарный эскадрон? Кто в здравом уме назовет так военный отряд?

– Ты просто не видела какие они красивые, девочка, – улыбнулась иноземка. – В золотых доспехах, с отполированными до зеркального блеска глефами. Они сияют в лучах солнца как герои света, что пришли сразить полчища тьмы.

– Это одна из творцов, – влез в разговор Марк. – Они ценят прекрасное, ставят красоту во главу всего в жизни, а искусство для них – главная форма существования. В Высшей школе их называют эстетиками, а они сами себя – творцами.

– Надо же, какой умный мальчик, – Никили медленно облизнула верхнюю губу. – И красивый. Мне нравятся твои кудри.

Марк снова смутился и начал смотреть в сторону, чтобы никто не заметил, как он покраснел.

Скалли скривилась. – А как тебя зовут, зелёная?

«Ну вылитая жаба!» – подумала девушка. – *Ужасно же попасть с такой в одну тесную клетку. Лишь бы бородавок не нахвататься».*

– Ты красивая, – Никили наклонила голову в другую сторону, – но допрашиваешь как настоящий законник. Если я скажу свое имя – смогу узнать твое?

Девушка показала пальцем на Марка. – Сможешь узнать его имя.

– Неплохой обмен, – сверкнула зубами иноземка. – Меня зовут Эвродия, но вы можете называть меня Эвой. Мне кажется, для вашего уха это тоже звучит красиво.

– И правда красиво, – пробормотал Марк.

Скалли посмотрела на юношу уничтожающим взглядом. – А это Марк, судя по всему, твой поклонник, – язвительно представила девушка друга своего брата.

– Не поклонник, – возразил юноша и снова покраснел. – Очень волнующе встретить представителя другой расы. Да еще и из творцов. Вы такие непохожие на нас.

– Зря ты так думаешь, малыш, – никили наклонилась ближе. – Мы схожи во многих... мрр... аспектах.

Скалли подняла руки. – Не говори с ним в таком сладострастном тоне, иноземка. Не при мне.

– Ревнуешь? – Эва вновь облизнула губу.

Скалли скривилась. – Слышать просто такое не хочу и не могу. Раз нам обитать вместе в этой клетке – будем устанавливать правила поведения.

Все это время Асад внимательно следил за горизонтом. Заметив, что солнце почти скрылось, он достал из второй сумки туго скатанный тонкий коврик и начал его расстилать, потеснив Марка.

– Что ты делаешь? – заинтересовалась Эва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.